

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛХІІІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая д. № 49—2).

1872.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Объ арабскомъ путешествіи въ X вѣка,
Абу-Долефъ, и странствованіи его по
Средней Азій . . . . . В. В. ГРИГОРЬЕВА.

О предполагаемомъ сродствѣ грузинскаго
языка съ индо-европейскими и туран-
скими языками . . . . . Ал. А. ЦАГАРЕЛИ.

Удѣльный князь Федоръ Юрьевичъ Фомин-
скій . . . . . Н. А. АСТРОВА.

Просьба жителей западной Малороссіи о при-
ятіи въ русское подданство 1773 года . М. О. КОЯЛОВИЧА.

Объ отношеніяхъ китайскаго языка къ сред-
не-азиатскимъ . . . . . В. П. ВАСИЛЬЕВА.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ:

Новыя изданія по вопросу о началѣ Семилѣтней войны. А. Г. БРИЕНЕРА.

Очеркъ устройства австрійскихъ гимназій . Л. П. МАЛИНОВСКАГО.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(См. на 3-й стр. обѣртки).

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ ПО ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ СЕМИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

I.

Leopold Ranke. Der Ursprung des siebenjährigen Krieges. (Л. Ранке. Начало Семилѣтней войны). Leipzig. 1871.

Въ послѣднее время многіе изъ нѣмецкихъ историковъ приобрѣли нѣкоторое значеніе въ политической жизни. Дрейзель, Дальманъ, Гервинусъ и пр. играли довольно важную роль въ исторіи Франкфуртскаго парламента 1848 года. Другіе, какъ напримѣръ, Гейссеръ, Трейчке, Ренель (Röpell), довольно часто были членами законодательныхъ собраній, участвовали въ публицистикѣ, были представителями политическихъ партій. Однако знаменитѣйшій изъ нѣмецкихъ историковъ, Ранке, оставался почти совершенно чуждымъ участію въ политическихъ дѣлахъ. Хотя онъ и состоялъ въ 1848 г. членомъ Франкфуртскаго парламента, но съ тѣхъ поръ исключительно былъ занятъ учеными трудами.

Ранке, какъ мы уже не разъ говорили, отличается отъ многихъ другихъ историковъ объективностью. Его, по видимому, мало интересуютъ политическіе вопросы, занимавшіе или занимающіе историковъ Гейдельбергской школы — Шлоссера, Гервинуса, Гейссера, Трейчке. Въ глубокой тишинѣ своего кабинета онъ изучаетъ прошедшее; отсюда онъ по возможности безпристрастно наблюдаетъ за событиями настоящаго, являясь спокойнымъ зрителемъ, космополитомъ, чуждымъ участіемъ національнаго чувства, и равнымъ образомъ внимательно слѣдитъ за развитіемъ всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ.

Только одно изъ прежнихъ сочиненій этого историка можетъ считаться нѣсколько односторонне-патріотическимъ, а именно его „Neun

Bücher preussischer Geschichte“ (въ трехъ томахъ). Всѣ другія, на противъ того, написаны въ духѣ безусловнаго космополитизма.

Тѣмъ болѣе достойно вниманія то обстоятельство, что важныя событія 1870 и 1871 годовъ заставили его посвятить себя изученію одного изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ изъ исторіи Пруссіи, а именно, изслѣдованію причинъ Семилѣтней войны. При общемъ волненіи въ Германіи по случаю разрыва между Франціей и Пруссіей, при живомъ участіи, которое принимали въ этихъ событіяхъ профессора и студенты германскихъ университетовъ, Ранке, не разставаясь впрочемъ со своими учеными занятіями, далъ имъ направленіе, соответствовавшее духу современной политики. Въ предисловіи къ своему послѣднему труду онъ говоритъ въ этомъ отношеніи слѣдующее: „Послѣ открытія военныхъ дѣйствій въ 1870 году настало время, въ продолженіи котораго невозможно было обратить вниманіе на что-либо, не состоявшее въ связи съ этою войною. Въ виду рѣшавшейся чрезъ объявленную Франціей Пруссіи войну судьбы Германіи и Европы, взоръ историка обратился къ тѣмъ событіямъ отдаленнаго времени, которыя подготовили такое столкновение, а именно, къ войнѣ 1756 года. Очевидно, послѣдняя не началась бы безъ союза Франціи съ Австріей.... Я не могу не сознаться въ томъ, что въ то время, когда молодое поколѣніе готовилось къ участію въ войнѣ, во время новаго разрыва, я возвратился къ занимавшему меня уже когда-то предмету, потому что послѣдній состоялъ въ соотношеніи съ начавшеюся громадною борьбою. Этими и могъ заняться. Соответствіе событій дѣлало менѣе чувствительнымъ различіе эпохъ“.

Дѣйствительно, изучая новѣйшее сочиненіе Ранке, нельзя не замѣтить аналогіи между войнами 1870 и 1756 г. И при Фридрихѣ II, и въ настоящее время война рѣшила вопросъ о значеніи Пруссіи въ Европѣ. Хотя въ 1756 году, при недостаточно развитомъ политическомъ состояніи Германіи, нельзя было думать объ общемъ устройствѣ германскихъ дѣлъ путемъ прусской гегемоніи, тѣмъ не менѣе возвышеніе Пруссіи до степени первоклассной державы уже предвѣщало коренную перемѣну въ устройствѣ Германіи. Уже тогда можно было предвидѣть, что центръ тяжести германскаго политическаго организма перейдетъ отъ Австріи въ Пруссію. Чрезъ пріобрѣтеніе Силезіи Пруссія уже получила нѣкоторый перевѣсъ надъ Австріей; война 1756 года была попыткою со стороны враждебныхъ Пруссіи державъ лишить послѣднюю значенія, пріобрѣтеннаго ею въ ряду германскихъ и европейскихъ державъ. Сто-десять лѣтъ спустя, со-

битія 1866 года были первыми значительными шагами въ окончательному рѣшенію германскаго вопроса. Война же 1870 года была попыткою Франціи воспрепятствовать этому окончательному устройству Германіи. Обѣ попытки оказались неудачными. Важнымъ условіемъ для дальнѣйшаго политическаго развитія Германіи было обстоятельство, что, не смотря на всѣ затрудненія и опасности, въ Семилѣтней войнѣ Пруссія устояла въ борьбѣ съ болѣею половиною Европы. Подобно тому въ послѣдней войнѣ успѣхи германскаго оружія были условіемъ образованія Германской имперіи. Для Франціи въ новѣйшее время битва при Садовой казалась такимъ же ударомъ, какимъ была потеря Силезіи для Австріи въ половинѣ XVIII столѣтія. Торжество Пруссіи и тогда, и теперь было для Европы событіемъ чрезвычайной важности.

Въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій Ранке собиралъ матеріалы для исторіи событій 1756 года. Неоднократно посѣщалъ онъ Англію, въ архивахъ и бібліотекахъ которой изучалъ исторію сближенія Англій съ Пруссіей. Уже въ 1848 г., находясь въ Парижѣ, онъ, благодаря покровительству, оказанному ему министромъ-историкомъ Гизо и директоромъ государственнаго архива Минье изучалъ реляціи герцога Нивернуа, бывшаго въ 1756 году французскимъ посланникомъ въ Берлинѣ. Равнымъ образомъ, съ давнихъ уже поръ ему были извѣстны изъ Берлинскаго архива, между прочимъ, дѣловыя бумаги кабинетныхъ министровъ Фридриха Великаго, Подевильса (Podewils) и Финкенштейна. За то лишь въ самое послѣднее время Ранке имѣлъ возможность ознакомиться съ содержаніемъ весьма важныхъ документовъ, относящихся къ вопросу о разрывѣ 1756 года и находящихся въ Вѣнскихъ архивахъ. Австрійскіе архиваріусы, а между ними главнымъ образомъ Арнетъ и Вольфъ, въ послѣднее время наметали богатые коллекціи документовъ, весьма важныхъ при изученіи исторіи царствованія Маріи Терезіи, Іосифа II и пр. Такъ, напримѣръ, Ранке при изученіи своего предмета съ большимъ успѣхомъ могъ пользоваться данными, заключавшимися въ сочиненіи Арнета: „Maria Theresia nach dem Erbfolgekriege“. Изъ бумагъ, найденныхъ самимъ Ранке въ Вѣнскомъ государственномъ архивѣ, гдѣ онъ работалъ осенью 1870 года¹⁾, особенно богатыми содержаніемъ оказались до-

¹⁾ Разсказываютъ, что Ранке встрѣтился въ Вѣнѣ съ нынѣшнимъ президентомъ французской республики, съ которымъ съ давнихъ поръ былъ знакомъ, какъ съ ученымъ историкомъ. Тьеръ тогда путешествовалъ по Европѣ въ надеждѣ достиженія мира для Франціи на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Обѣ

жесня австрійскаго посланника въ С.-Петербургѣ, Эстергази. Изъ этихъ дозрелѣй видно, какъ въ Петербургскомъ кабинетѣ появилась и развивалась мысль объ участіи въ войнѣ Австрія противъ Пруссіи.

Исторія начала Семилѣтней войны, говоритъ Ранке, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія большаго европейскаго кризиса. Изображеніе послѣдняго представляетъ затрудненія именно потому, что нельзя разсказывать иначе, какъ поочередно, всѣ тѣ событія, которыя совершились не поочередно, а одновременно. Въ своемъ сочиненіи Ранке раздѣляетъ весь матеріалъ на слѣдующія группы. Онъ сначала говоритъ о Силезскихъ войнахъ, а затѣмъ объ отношеніяхъ между Англійей и Франціей, между Австріей и Англійей и между Австріей и Франціей. Далѣе слѣдуетъ разсказъ объ образѣ мыслей Фридриха II, о заключеніи союза между Пруссимъ королемъ и Англійей, о пребываніи герцога Нивернуа въ Берлинѣ, о сближеніи между Австріей и Франціей, объ отношеніяхъ Россіи къ этимъ державамъ, о заключеніи Версальскаго договора и о томъ, какъ этотъ договоръ поддѣйствовалъ на образъ дѣйствій Англии и Пруссіи. Наконецъ, говорится уже о разрывѣ и открытіи военныхъ дѣйствій.

Къ важнѣйшимъ изъ этихъ вопросовъ должно отнести образъ дѣйствій Версальскаго кабинета, находившагося въ началѣ царствованія Фридриха II въ союзѣ съ Пруссіей, и затѣмъ, въ 1756 году, промѣнявшаго этотъ союзъ на тѣсную дружбу съ Австріей. Такая перемѣна сильно поддѣйствовала на всѣ европейскія дѣла.

Ранке указываетъ на лѣбовую борьбу между Англійей и Франціей, имѣвшую въ XVIII вѣкѣ общенсторическое значеніе уже потому, что рѣшеніемъ вопроса о преобладаніи той или другой державы обуславливалось преобладаніе германскаго или романскаго племени въ Сѣверной Америкѣ, въ Вестиндіи и Остиндіи. Борьба эта была тѣмъ серьезнѣе, что Франція хотя и приближалась уже къ страшному кризису и страдала отъ всевозможныхъ недостатковъ стараго порядка, все еще располагала весьма значительными средствами въ внѣшней политикѣ и имѣла большое значеніе чрезъ свою обширную колониальную систему. Произведенія французскихъ колоній, наприкладъ, сахаръ и индиго, являлись на всѣхъ рынкахъ; рыбныя ловли Фран-

историка однажды обѣдали вмѣстѣ. Беседа наконецъ коснулась и политики. «Противъ кого вы сражаетесь?» спросилъ французскій дипломатъ-историкъ немецкаго ученаго, указывая на удаленіе Наполеона, какъ главнаго виновника войны. «Противъ Людовика XIV», спокойно возразилъ историкъ-дипломатъ, Ранке.

дузовъ находились въ цвѣтущемъ состояніи. Сношенія Франціи съ ея колоніями были особенно оживленны; торговля съ Гвинеей находилась въ рукахъ Французовъ; при устьѣ рѣки Сенегала находилась важная французская крѣпость Сейъ-Луи (St.-Louis); французская Левантская компанія занималась самыми выгодными коммерческими дѣлами; французскіе шкиперы успѣшно соперничали съ англійскими въ Сиріи; французскія мануфактурныя издѣлія на рынкахъ Константинополя и Смирны цѣнились выше англійскихъ. Къ тому же Франція сохраняла еще важное политическое значеніе въ Европѣ, поддерживала, на примѣръ, сильную партію въ Швеціи, имѣла большое вліяніе на дѣла въ Польшѣ, состояла въ связи со многими государствами въ Германіи, представлявшей часто самыя благопріятныя условія для распространенія вѣса и усиленія Франціи въ обще-европейскихъ дѣлахъ. Со времени присоединенія Лотарингіи и Эльзаса къ Франціи, эта послѣдняя держава привыкла смотрѣть на Германію какъ на страну, заключающую въ себѣ матеріалъ для ея территориальнаго увеличенія.

При такомъ положеніи и значеніи Франціи вопросъ о томъ, будетъ ли она союзницей Австріи или Пруссіи, могъ считаться роковымъ для всей Европы, въ особенности же для Германіи. Съ давнихъ поръ существовалъ антагонизмъ между Габсбургскою династіей и Франціей. Борьба между ними продолжалась нѣсколько вѣковъ; и верхняя Италия, и западная Германія, и Нидерланды, и даже Испанія были театромъ постоянно возобновлявшихся войнъ между Франціей и Австріей. Знаменитѣйшіе министры и полководцы обѣихъ державъ употребляли лучшую долю своихъ способностей, силъ и средствъ для этой борьбы. Сама Марія-Терезія испытала значеніе этой вражды въ то время, когда въ началѣ ея царствованія возникъ вопросъ объ австрійскомъ наслѣдствѣ и повелѣ къ войнѣ, въ продолженіе которой Марія-Терезія лишилась Силезіи. Тогда именно Франція содѣйствовала къ униженію Австріи.

Если принять въ соображеніе всѣ эти происшествія до 1756 года, нельзя не удивляться важной перемѣнѣ, случившейся предъ началомъ Семилѣтней войны. Ранѣе посвящаетъ исторіи сближенія Австріи съ Франціей три главы своего сочиненія (8-ю, 10-ю и 11-ю) и подробно разказываетъ объ образѣ дѣйствій австрійскихъ и французскихъ министровъ и дипломатовъ. Въ Австріи появилась мысль о возможности приобрести вновь Силезію съ помощью Франціи. Для этой цѣли австрійскій посланникъ во Франціи, графъ Штарембергъ, открывалъ переговоры съ аббатомъ Берни, бывшимъ тогда чѣмъ-то въ родѣ

министра иностранныхъ дѣлъ во Франціи, и съ маркизою Помпадуръ, вліяніе которой при французскомъ дворѣ заставило и графа Кауница обратиться также къ этой женщинѣ съ письмами, въ которыхъ предлагались дружба и союзъ Австріи. Подробности объ этихъ бесѣдахъ и перепискахъ, въ которыхъ обнаруживается необыкновенное дипломатическое искусство дѣйствующихъ лицъ, весьма привлекательно разсказаны въ сочиненіи Ранке, при чемъ указывается на то, что австрійскій кабинетъ, сближаясь съ Франціей, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на интересы Германіи.

Что касается до переговоровъ между Австріей и Франціей, то Ранке, благодаря тщательности своихъ изслѣдованій, былъ въ состояніи опровергнуть общепринятое и повторенное во множествѣ книгъ преданіе, будто жажда мести и желаніе вернуть себѣ Силезію заставили Марію-Терезію забыть достоинство своего происхожденія и чистоту своего характера до того, что она написала письмо къ маркизѣ Помпадуръ, въ которомъ назвала ее „своею любовною кувшиной“, и что очарованная этимъ письмомъ маркиза склонила Людовика XV къ войнѣ противъ Фридриха Великаго. Дѣло въ томъ, что Марія-Терезія никогда не писала такого письма, а ограничиваясь отираденіемъ въ маркизѣ Помпадуръ кое-какихъ неособенно цѣнныхъ подарковъ. Разсказъ о письмѣ императрицы, какъ Ранке старается доказать въ четвертомъ приложеніи къ своему сочиненію, въ разборѣ степеней достовѣрности книги Дюкло (Duclos) „Histoire des causes de la guerre de 1756“, — ни болѣе ни менѣе, какъ легенда. Несомнѣнно, что министръ Марія-Терезіи въ одномъ весьма лестномъ для маркизы письмѣ 1756 года называлъ ее между прочимъ „любезнѣйшею женщиною во всемъ мірѣ“, и что дѣйствительно, при англійскомъ и французскомъ дворахъ ходили тогда слухи о письмѣ Марія-Терезіи къ маркизѣ Помпадуръ, въ которомъ послѣдняя была названа „ma cousine“; но во первыхъ, такого письма не существуетъ въ архивахъ, и во вторыхъ же, Марія-Терезія въ частномъ письмѣ къ курфюрстинѣ Саксонской Маріи-Антоніи, въ которомъ она безъ сомнѣнія была совершенно откровенною, говоритъ, что слухъ насчетъ этого письма лишенъ всякаго основанія¹⁾. Впрочемъ вопросъ, о томъ, писала ли

¹⁾ Подлинникъ письма Марія-Терезіи къ Маріи-Антоніи находится въ Дрезденскомъ архивѣ. Это письмо опубликовано впрочемъ уже въ 1857 году заведывающимъ Дрезденскимъ архивомъ г. Веберомъ. Также и Финтумъ, въ своемъ сочиненіи „Geheimnisse des sachsichen Cabinets“ I. 338 (1866), указываетъ на это письмо.

сама Марія-Терезія такое письмо, или не писала, не можетъ считаться особенно важнымъ. Нельзя отрицать того, что маркиза Помпадуръ въ переговорахъ между Австріей и Франціей о составленіи коалиціи играла весьма важную роль противъ Фридриха Великаго, и что австрійскіе дипломаты при французскомъ кабинетѣ достигли своей цѣли не иначе какъ при помощи личнаго содѣйствія и вліянія маркизы, чрезъ которую графъ Штарембергъ дѣйствовалъ на короля, и посредничество которой имъ было въ послѣдствіи названо столько же полезнымъ, сколько необходимымъ.

Рѣшеніе французскаго кабинета, противорѣчившее ко всѣмъ преданіямъ и прежнимъ интересамъ Франціи, вступить въ тѣсную дружбу съ Австріей имѣло большое вліяніе на характеръ событій, слѣдующихъ за этимъ десятилѣтіемъ. Такъ, на примѣръ, союзъ Австріи съ Франціей значительно измѣнилъ образъ дѣйствій послѣдней въ отношеніи къ Польшѣ и Турціи. Союзъ Франціи съ Австріей не дозволялъ Франціи препятствовать раздѣламъ Польши, пользовавшейся до того покровительствомъ Франціи. Со времени Франциска I, поддержаніе Турціи противъ Австріи считалось однимъ изъ важнѣйшихъ правилъ внѣшней политики Франціи. Теперь же нужно было отказаться отъ такого союза съ Оттоманскою Портою. Такимъ образомъ, во всѣхъ почти европейскихъ дѣлахъ совершилась перемѣна чрезъ союзъ Австріи съ Франціей. Прежнія условія сохраненія политическаго равновѣсія въ Европѣ уступили мѣсто совершенно новымъ.

Любопытно то обстоятельство, что въ то самое время, когда при дворѣ Людовика XV лишь весьма немногія лица, а именно маркиза Помпадуръ и аббатъ Берни были сторонниками Австрійскаго союза, да жернь Парижская выходила изъ себя отъ радости при торжественномъ объявленіи Версальскаго договора, болѣе опытные и осторожные государственные люди, какъ на примѣръ, маркизь д'Аржансонъ и другіе представители старой дипломатической школы желали сохраненія тѣсной связи съ Пруссіей и не ожидали особенныхъ выгодъ отъ новой коалиціи съ Австріей.

Вступая въ союзъ съ Австріей, Франція въ отношеніи къ одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ внѣшней политики, а именно въ отношеніи къ австрійскимъ (прежде испанскимъ) Нидерландамъ, впала въ довольно странное противорѣчіе. Нидерланды въ продолженіи вѣковъ были яблокомъ раздора между Франціей и Габсбургцами. Теперь же Франція, состоя въ тѣсной дружбѣ съ Австріей, по настоящему, не имѣла возможности домогаться присоединенія этой области въ Фран-

ція. Между тѣмъ именно въ это время Франція въ довольно рѣшительномъ тонѣ требовала отъ Австріи уступки Нидерландовъ въ томъ случаѣ, если Силезія будетъ ей возвращена при помощи французскаго оружія. Въ отношеніи къ этому предложенію Ранке отерылъ въ Вѣнскомъ архивѣ весьма важные документы. Изъ этихъ бумагъ видно, что Австрія никоимъ образомъ не хотѣла согласиться на такую капитальную уступку. За то Вѣнскимъ кабинетомъ было сдѣлано другое предложеніе, по которому Нидерланды, въ случаѣ приобрѣтенія вновь Австріей Силезіи, должны были образовать самостоятельное государство, подъ управленіемъ принца изъ Бурбоновъ на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, на которыхъ эти провинціи принадлежали прежде Австріи. Все это однако обусловливалось самымъ энергичнымъ содѣйствіемъ Франціи къ отнатию Силезіи у Фридриха. Франція, въ свою очередь, не считала для себя выгоднымъ содѣйствовать къ образованію у самой границы французскаго самостоятельнаго государства, которое въ послѣдствіи легко могло въ союзъ съ Голландіей, Англіей или Австріей дѣйствовать въ ущербъ интересамъ Франціи.

Именно въ это время возобновилась вражда между Франціей и Англіей. Уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ шелъ споръ между этими державами относительно американскихъ владѣній. Французы старались распространить свои владѣнія въ Америкѣ. Англичане препятствовали такому расширенію французской территоріи. Вопросъ о томъ, кому — Англичанамъ или Французамъ суждено приобрѣсти главное значеніе въ Америкѣ, долженъ былъ рѣшиться отчасти при помощи союза Англіи съ Фридрихомъ Великимъ. Преобладаніемъ Франціи въ Европѣ обусловливалось и ея торжество въ Америкѣ. Удары, нанесенные Пруссаками Французамъ въ Семилѣтней войнѣ, отозвались и за океаномъ.

Франція мечтала о важныхъ предпріятіяхъ, хотѣла завладѣть Корсикой и вытѣснить Англичанъ изъ Средиземнаго моря. Французскому полководцу маршалу Рихельё удалось занять вѣрность Св. Филиппа и портъ Магонъ на островѣ Миноркѣ; Французы уже надѣялись на отнатиіе у Англичанъ Гибралтарской вѣрности. Наконецъ былъ составленъ планъ высадить 60.000 войска подъ командою маршала Беллея (Belleisle) въ самой Англіи.

Эти предположенія вскорѣ сдѣлались извѣстными въ Англіи, которая невольна должна была при такихъ обстоятельствахъ надѣяться на союзъ съ Пруссіей. Послѣдній вполне соотвѣтствовалъ историческимъ преданіямъ обихъ государствъ. Не разъ до того тѣсная дружба

между Англiей и Пруссiей оказалась полезною для ихъ интересовъ. Такъ, наприимѣръ, коалиція между Фридрихомъ - Вильгельмомъ, великимъ курфирстомъ и Вильгельмомъ III предохранила Европу отъ чрезвычайнаго перевѣса Францiи. Съ тѣхъ поръ къ существовавшимъ уже поводамъ сближенiя Англии съ Пруссiею присоединился еще новый. Между Ганноверскою областiю и Англiей существовала династическая связь. Поэтому Англiя столько же какъ и Пруссiя должна была желать препятствовать вторженiю Французовъ въ предѣлы Германiи.

Дѣйствительно, въ послѣднее время до 1756 года существовали довольно близкiя отношенiя между Англiей и противниками Пруссiи, то-есть, Австрiей и Россiей. Въ сочиненiи Ранке подробно излагаются условiя постепеннаго ослабленiя этихъ отношенiй. Австрiя болѣе и болѣе должна была убѣдиться въ томъ, что Англiя не поможетъ ей приобрѣсти Силезiю. Этой цѣли гораздо легче можно было достигнуть путемъ заключенiя союза съ Францiей. Въ то самое время, когда Марiя-Терезiя и Кауницъ старались сблизиться съ французскимъ кабинетомъ, отношенiя между Фридрихомъ Великимъ и Францiей становились все болѣе и болѣе равнодушными, и наконецъ, враждебными. Во Францiи считали короля Прусскаго какъ-бы неравноправнымъ съ другими представителями первоклассныхъ державъ. Въ дипломатическихъ сношенiяхъ Францiя иногда давала чувствовать Фридриху, что его считаютъ не болѣе какъ второстепеннымъ государемъ. Таковой образъ дѣйствiй не могъ не оскорблять короля, имѣвшаго весьма высокое понятiе о своемъ собственномъ достоинствѣ, и не могъ не заставлятъ его искать союза съ Англiей.

Въ Англии между тѣмъ общественное мнѣнiе не благопрiятствовало союзу съ Австрiей. Марiю - Терезiю тамъ называли неблагодарною союзницею. Англiя истратила большiя суммы денегъ для того, чтобъ обезпечить въ первое время ея царствованiя цѣлость ея государства. Теперь же Марiя-Терезiя была готова сблизиться съ непримиримымъ врагомъ Англии, съ Францiею. Англiйская публика громко осуждала образъ дѣйствiй государыни, къ тому же еще столь ревностно защищавшей интересы ненавистнаго для Англичанъ католицизма. Въ противоположность къ такому нерасположенiю Англичанъ къ Марiи - Терезiи развивалось въ нихъ уваженiе къ Фридриху. Отчасти чрезъ короля Прусскаго въ Англии узнали о враждебныхъ намѣренiяхъ Францiи. Фридрихъ сообщилъ Англичанамъ свои соображенiя о томъ, какимъ образомъ Англiя лучше всего могла

бы препятствовать высадкѣ французскихъ войскъ. Онъ же сдѣлалъ предложеніе соединиться съ Оттоманскою Портою противъ Австріи и Россіи. Всѣ совѣты и сообщенія Фридриха были приняты въ Англіи съ особеннымъ сочувствіемъ. Главный министръ въ Англіи Ньюкастль (Newcastle) замѣтилъ однажды, что мысли Прусскаго короля будутъ служить ему руководствомъ, и что онъ, не смотря на прежнее сочувствіе къ Австріи, сдѣлался настоящимъ Пруссакомъ. Отнынѣ, такъ говорили въ Англіи, Пруссія останется точкой опоры для поддержанія авторитета Англіи на континентѣ. Чѣмъ рѣшительнѣе въ это время измѣнились отношенія между Англіей и Россіей, чѣмъ равнодушнѣе Англія могла смотрѣть на усиленіе значенія Пруссіи въ Германіи, тѣмъ легче Сентъ-Джемскій кабинетъ могъ соединиться съ Пруссіей.

Дѣйствительно, послѣдняя держава могла считаться надеждою Германіи. Нельзя отрицать, что Пруссія, соединяясь съ Англіей противъ попытки Французовъ вторгнуться въ предѣлы Германіи, дѣйствовала сообразно съ духомъ обще-германскихъ интересовъ. Именно въ этомъ отношеніи расходились цѣли австрійской и прусской политики. Австрія всегда была готова жертвовать германскими интересами въ пользу габсбургскихъ; Пруссія, напротивъ, уже по своему географическому положенію, защищая себя, защищала Германію. Въ этомъ обстоятельствѣ, замѣчаетъ Ранке (на стр. 120), заключается начало прусско-германской политической идеи, пріобрѣтшей столь великую силу въ послѣдствіи. Австрія была космополитическою державою, Пруссія сохраняла нѣмецкій характеръ. Австрія уже чрезъ свои отношенія къ Нидерландамъ и къ Италіи довольно часто была принуждена не обращать вниманія на германскіе интересы, и отказываясь отъ союза съ Англіей, ничего не имѣла противъ появленія Французовъ въ Ганноверѣ; Пруссія, напротивъ, никогда не могла желать вторженія Французовъ или Русскихъ въ германскіе предѣлы. Австрія, забывая свои обязанности въ отношеніи къ Германской имперіи, старалась обезпечить величіе своей династіи. Пруссія, будущій центръ Германской имперіи, уже въ 1756 году особенное обращала вниманіе на національные интересы. На этотъ счетъ довольно любопытно слѣдующее обстоятельство. Въ проектѣ договора между Англіей и Пруссіей было употреблено выраженіе „Германская имперія“. Фридрихъ замѣнилъ это выраженіе словомъ „Германія“, считая послѣднее при тогдашнихъ обстоятельствахъ болѣе точнымъ, опредѣленнымъ. Ранке при этомъ случаѣ замѣчаетъ (на стр. 89): „Вопросъ объ отно-

шеніи между Германіей и Германскою имперіей въ продолженіи вѣковъ, былъ бы достойнымъ предметомъ особеннаго изслѣдованія. Послѣднее понятіе обыкновенно бывало гораздо болѣе широкимъ; наконецъ настало время, когда оно сдѣлалось уже, чѣмъ понятіе о Германіи. Никогда еще оба понятія не совпадали“.

Что касается до отношеній Россіи къ прочимъ европейскимъ державамъ въ то время, когда началась Семилѣтняя война, Ранке также нашелъ возможность, на основаніи архивныхъ матеріаловъ, значительно дополнить свѣдѣнія по этому предмету. Въ Вѣнѣ Ранке нашелъ значительную часть переписки между Марією-Терезіей и австрійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, графомъ Эстергази. Изъ этихъ документовъ видно, въ какой мѣрѣ Россія тогда была расположена воевать противъ Пруссіи, и какъ Эстергази, пользовавшійся особеннымъ вниманіемъ императрицы Елизаветы, старался отвлечь Россію отъ союза съ Англіей и сблизить Петербургскій кабинетъ съ Вѣнскимъ. Въ донесеніяхъ Эстергази встрѣчаются совершенно новыя показанія о томъ, какъ императрица Елисавета относилась къ вопросу о войнѣ съ Пруссіей, и какимъ образомъ она бесѣдовала объ этомъ предметѣ съ посланникомъ Маріи-Терезіи. То, что въ этихъ дѣлесахъ относится къ засѣданіямъ государственной конференціи, въ которой самымъ обстоятельнымъ образомъ обсуждались вопросы внѣшней политики Россіи, впрочемъ, гораздо подробнѣе сдѣлалось извѣстнымъ чрезъ любопытныя данныя, помѣщенныя въ третьемъ томѣ Воронцовскаго архива, выпедшаго нѣсколькими недѣлями послѣ появленія сочиненія Ранке. Мы ниже укажемъ на значеніе этихъ русскихъ документовъ для рѣшенія того вопроса, которымъ занимался Ранке въ своей послѣдней книгѣ. Если бы знаменитому нѣмецкому историку были доступны эти матеріалы, онъ былъ бы въ состояніи еще гораздо яснѣе доказать, что война Семилѣтняя скорѣе была результатомъ составленной противъ Пруссіи наступательной коалиціи, чѣмъ слѣдствіемъ страсти Прусскаго короля къ завоеваніямъ.

Этому послѣднему вопросу посвящается послѣдняя глава сочиненія Ранке, въ которой уже говорится о началѣ военныхъ операцій, о занятіи Фридрихомъ Великимъ Саксоніи и о необходимости для Пруссіи, ради спасенія своего существованія, дѣйствовать такъ, а не иначе. Въ связи съ этимъ изложеніемъ состоитъ первое приложение къ сочиненію Ранке „о прусскихъ манифестахъ“, въ которыхъ Фридрихъ старался объяснить, что онъ, руководствуясь тѣми данными о настроеніи европейскихъ кабинетовъ, которыя дошли до него, былъ

вынужденъ принять мѣры для обезпеченія цѣлости Пруссіи. Вопросъ о томъ, справедливо ли такое положеніе Фридриха, оказывается важнѣйшимъ и при разборѣ бумагъ Воронцовскаго архива, къ которому мы переходимъ.

II.

Архивъ князя Воронцова. Книга третья. Москва, 1871 года. Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова.

Вся Европа въ такой кризисъ, какой можетъ быть съ несколькими стокго не бывало.

Всеподданнѣйшій докладъ императрицѣ Елисаветѣ въ 1756 году. — Архивъ кн. Воронцова, III. 429.

Не далѣе какъ въ продолженіе послѣдняго десятилѣтія были изданы историческія сочиненія, доказывавшія, на основаніи довольно тяжеловѣсныхъ архивныхъ документовъ, что Фридрихъ Великій вполнѣ заслуживаетъ названіе „нападателя“, данное ему императрицею Елизаветой ¹⁾. Съ другой стороны, недавно появилось и нѣсколько сочиненій, въ которыхъ, также при помощи архивныхъ матеріаловъ, доказывалось, что король Пруссій не желалъ войны, не думалъ о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, а только защищался противъ готовившагося нападенія на него со стороны тѣхъ же державъ, которыя затѣмъ старались обвинять его какъ вѣчнаго нарушителя мира и покоя въ Европѣ.

Нельзя отрицать, что такое разногласіе въ исторической литературѣ по этому вопросу объясняется въ значительной степени направлениемъ политическихъ событій въ Германіи въ послѣднее время. Сторонники партикуляризма и союзники Австріи въ Германіи въ 1866 и 1870 годахъ въ возвышеніи Пруссіи при Фридрихѣ Великомъ видѣли несчастье для Германіи. Въ ихъ глазахъ Фридрихъ Великій казался виновникомъ многихъ бѣдствій для нѣкоторыхъ германскихъ государствъ. Занятіе Силезіи въ первое время царствованія этого государя и занятіе Саксоніи въ началѣ Семилѣтней войны считаются представителями этой партіи страшнымъ преступленіемъ. Отрицая выгоды соединенія Германіи въ одно политическое цѣлое, они отрицаютъ величіе Фридриха. Пруссіе же историки и вообще тѣ ученые, ко-

¹⁾ См. Архивъ князя Воронцова, III, 549: «Въ коллегію иностранныхъ дѣлъ 12-го ноября 1756 г.».

торые считаютъ развитіе Германіи путемъ прусской гегемоніи благоприятнымъ и нормальнымъ явленіемъ, политическимъ прогрессомъ, средствомъ для обезпеченія культурныхъ началъ значительной доли Европы, напротивъ, изслѣдуя исторію царствованія Фридриха Великаго, видятъ въ событіяхъ послѣдняго времени оправданіе образа дѣйствій этого короля.

Въ особенности два сочиненія новѣйшаго времени заключаютъ въ себѣ желчныя обвиненія противъ Фридриха. Ганноверскій историкъ Онно Клоппъ напечаталъ въ 1860 году книгу подъ заглавіемъ „Friedrich II und die deutsche Nation“ (въ Шафгаузенѣ; второе изданіе этого труда вышло въ 1864 году), въ которой старался доказать, что прусскій король не только не можетъ считаться представителемъ политическаго прогресса въ Германіи, но даже былъ причиною упадка Германіи чрезъ развитіе при этомъ королѣ дуализма въ этой странѣ между Австріей и Пруссіей. Тенденціозность такого взгляда до того бросалась въ глаза, что нѣмецкіе критики почти всѣ прямо объявили это сочиненіе скорѣе памфлетомъ, чѣмъ результатомъ науки.

Еще болѣе серіозныя обвиненія противъ Фридриха, именно въ отношеніи къ его образу дѣйствій въ 1755 и 1756 годахъ, встрѣчаются въ великолѣпно изданномъ сочиненіи „Geheimnisse des sächsischen Cabinets. Ende 1745—bis Ende 1755. Archivalische Vorstudien für die Geschichte des siebenjährigen Krieges“ (Stuttgart, Cotta, 1866, въ двухъ томахъ). Авторъ этого сочиненія, графъ Фицтумъ-фонъ-Экштетъ, при составленіи своего труда пользовался архивными дѣлами, найденными имъ въ государственномъ саксонскомъ архивѣ и въ семейномъ архивѣ графовъ Фицтумъ-фонъ-Экштетъ. Одинъ изъ его предковъ былъ во время начала Семилѣтней войны посланникомъ саксонскаго курфюрста въ Парижѣ. Авторъ указываетъ на значеніе дѣятельности этого дипломата; весьма тщательно имъ далѣе собраны всѣ данныя для того, чтобы доказать, что Фридрихъ II безъ всякаго основанія открылъ въ 1756 году военныя дѣйствія, и что всѣ старанія историковъ на основаніи документовъ изъ англійскихъ, французскихъ, голландскихъ, шведскихъ и нѣмецкихъ архивовъ оправдать Фридриха наступательнымъ движеніемъ прочихъ державъ должны быть признаны тщетными. Фицтумъ-фонъ-Экштетъ утверждаетъ, что Фридрихъ II, ожидая нападенія на него со стороны Австріи и Россіи, ошибался, что никто не думалъ о наступательномъ движеніи противъ Пруссіи, и что всѣ распространенныя Фридрихомъ слухи о враждеб-

нихъ намѣреніяхъ Франціи, Саксоніи, Маріи-Терезіи и Елизаветы были ни болѣе, ни менѣе какъ выдумкой, имѣвшею цѣлью прикрыть страсть короля къ завоеваніямъ и особенно его желаніе присоединить курфиршество Саксонское къ Пруссіи ¹⁾. Такъ какъ Прусское королевство было обременено чрезмѣрными налогами и не могло содержать большаго войска, говорить Фицтумъ-фонъ-Экштетъ далѣе, то Фридрихъ уже ради приведенія въ равновѣсіе своего бюджета долженъ былъ желать расширенія предѣловъ Пруссіи. Къ тому же, незадолго до разрыва генераль Винтерфельдъ, осмотрѣвшій Саксонію въ стратегическомъ отношеніи, донесъ будто бы королю, что завоеваніе Саксоніи не представляетъ особенныхъ затрудненій, что походъ будетъ непродолжительнымъ, и успѣхъ не подлежитъ сомнѣнію. Желаніе пріобрѣсти Моравію и Лужицы заставило будто бы Фридриха вообразить, что его сосѣди готовили нападеніе на Пруссію и думали о раздѣлѣ этого государства ²⁾. Къ тому жъ авторъ упрекаетъ Фридриха въ томъ, что послѣдній, по личной ненависти къ австрійскому дому и къ Августу Саксонскому, началъ войну, и наконецъ въ томъ, что онъ будто бы соскучился во время одиннадцатилѣтняго мира и потому во что бы то ни стало желалъ войны ³⁾. Онъ увѣряетъ, что не противъ Пруссіи коалиція вызвала открытіе военныхъ дѣйствій со стороны Фридриха, а напротивъ, нарушеніе мира Фридрихомъ имѣло слѣдствіемъ образованіе такой коалиціи ⁴⁾.

Мы увидимъ въ послѣдствіи, на сколько основательны такія положенія, а теперь укажемъ только на два замѣчанія самого же Фицтума-фонъ-Экштета. На стр. 331-й I-го тома своего сочиненія онъ допускаетъ, что въ ту минуту, когда началась война, въ Саксоніи еще не имѣли ни малѣйшихъ свѣдѣній о намѣреніяхъ и предположеніяхъ министра Маріи-Терезіи, князя Кауница. Этого замѣчанія достаточно, чтобы лишить значенія весьма большую долю аргументаціи автора, построенной именно на показаніяхъ саксонскихъ министровъ, дипломатовъ и генераловъ. Отрицаніе сими послѣдними, не посвященными въ тайны кабинетовъ первоклассныхъ державъ,

¹⁾ Geheimmisse, I. 49.

²⁾ I. 58. «Die wahre Veranlassung des Kriegs von 1756 ist keine andere als Landerger und der persönliche Hass Friedrichs II gegen das Haus Sachsen»; см. также стр. 47, 49, 51, 55, 56, 65: II. 125.

³⁾ II. 346.

⁴⁾ I. 336. «Die preussische Schilderhebung hat diejenige Coalition geschaffen, welcher Friedrich zuvorkommen wollte».

коалиціи противъ Фридриха по этому самому не можетъ считаться хотя сколько-нибудь достаточнымъ доказательствомъ несуществованія ея. Далѣе въ другомъ мѣстѣ, а именно на страницѣ 332-й I-го тома, авторъ замѣчаетъ: „При обсужденіи вопроса: имѣлъ ли Фридрихъ II право начать войну 1756 года, или нѣтъ, разумеется, нельзя обращать вниманія на намѣренія той или другой державы, а только на совершившіеся факты. Если бы каждый государь имѣлъ право начинать войну для предупрежденія враждебныхъ намѣреній другихъ державъ, то никогда нельзя было бы надѣяться на сохраненіе мира“¹⁾. Этимъ самымъ, во первыхъ, авторъ допускаетъ существованіе враждебныхъ намѣреній противъ Фридриха; во вторыхъ же; авторъ забываетъ, что опредѣлившіеся вполне намѣренія такого рода могутъ считаться также фактами, и притомъ весьма важными, на которые слѣдуетъ обращать вниманіе; третьихъ, самый ходъ событій показалъ, что Фридрихъ спасъ дѣло Пруссіи главнымъ образомъ быстротою своихъ рѣшеній и движеній именно потому, что онъ принималъ въ расчетъ не только „совершившіеся факты“, но также и намѣренія Австріи и Россіи приступить къ раздѣлу Пруссіи.

Посмотримъ теперь на доводы ученыхъ, приведшихъ къ совершенно противоположному результату.

Въ 1886 году явился второй томъ сочиненія Раумера „Beiträge zur neueren Geschichte aus dem britischen Museum und Reichsarchive“, имѣющій еще особое заглавіе „Friedrich II und seine Zeit 1740—1769“. Въ немъ Раумеръ, на основаніи писемъ, особенно англійскихъ дипломатовъ и министровъ, старается доказать, что въ 1756 г. Фридрихъ II не желалъ войны, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ готовились уже къ походу: Шлоссеръ, занимавшійся изученіемъ этого вопроса въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ, пришелъ къ такимъ же результатамъ, равно какъ и Штуръ (Stuhr) въ своемъ сочиненіи „Forschungen und Erläuterungen über Hauptpunkte der Geschichte des siebenjährigen Krieges (Hamburg 1842). Исслѣдованія Штенцеля въ его „Geschichte des preussischen Staats“, Германна въ „Geschichte des russischen Staats“ и другихъ заключаютъ въ себѣ развитіе тѣхъ же мыслей.

Но два замѣчательнѣйшія сочиненія, въ которыхъ доказывается миролюбіе Фридриха и наступательное дѣйствіе противъ него прочихъ континентальныхъ державъ явились въ самое послѣднее время. Это

¹⁾ Geheimmisse I. 332.

именно сочиненіе Шефера „Geschichte des siebenjährigen Krieges“, первый томъ котораго былъ изданъ въ 1867 году, и сочиненіе Ранке о причинахъ Семилѣтней войны, на содержаніе котораго мы указали въ предыдущей статьѣ. Шеферъ весьма добросовѣстно разработалъ всѣ данныя, заключающіяся въ исторической литературѣ по этому вопросу, а кромѣ того, еще имѣлъ случай воспользоваться нѣкоторыми, до того неизвѣстными архивными бумагами. Такъ, напримеръ, онъ читалъ денеши прусскаго посланника въ Гагѣ фонъ-Геллена, который сообщалъ королю Фридриху II выписки изъ донесеній голландскаго резидента въ Петербургѣ, де-Сваерта (Swaert). О матеріалахъ, которыми располагалъ Ранке, мы говорили выше. Его заключеніе по всему этому спорному дѣлу можетъ считаться результатомъ всесторонняго и достаточно безпристрастнаго изслѣдованія. Ранке утверждаетъ, что въ пятидесятыхъ годахъ Фридрихъ II не желалъ войны, какъ то и видно изъ одной записки короля, которая не была напечатана, и въ которой онъ подробно излагаетъ свой образъ мыслей въ отношеніи къ политическому положенію Европы ¹⁾. Входя въ положеніе Фридриха въ 1756 году, Ранке замѣчаетъ: „По предложенію Россіи, Швеція должна была получить Померанію, Польша—королевство Прусское, Данія, въ случаѣ присоединенія къ коалиціи, Бременъ и Верденъ. Какова перспектива для короля Фридриха! Съ одной стороны, лишенный Силезіи, Помераніи и Пруссіи, съ другой рейнскихъ-вестфальскихъ владѣній, онъ превратился бы въ слабого курфюрста Бранденбургскаго. И какова была бы тогда судьба Германіи! Франція, владѣя бельгійскими Нидерландами, имѣла бы сильный перевѣсъ надъ Голландіей и курфюрстами на Рейнѣ; обѣ сѣверныя короны (Данія и Швеція) были бы снабжены обширными территориями въ Европѣ. Германія зависѣла бы тогда вполнѣ отъ прочихъ державъ. Нельзя отрицать, что существованіе сильной Пруссіи было тѣсно связано съ идеєю о самостоятельномъ германскомъ политическомъ организмѣ“ ²⁾. Еще 11-го іюля 1756 года англійскій посланникъ въ Берлинѣ, Мичель (Mitchell), писалъ о Фридрихѣ, что онъ желалъ сокращенія мира ³⁾. Также и министръ иностранныхъ дѣлъ въ Англии, Годдернесъ, писалъ 13-го іюля, что обвиненіе Петербургскаго кабинета, будто Фридрихъ желалъ напасть на Россію, лишено всякаго основа-

¹⁾ Ranke, Der Ursprung des siebenjährigen Krieges, стр. 70 и 77.

²⁾ Ranke, стр. 192.

³⁾ Raumer, Beiträge, 364.

ня. И въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Фридрихъ надѣялся еще на получение удовлетворительнаго отвѣта изъ Вѣны на категорическій запросъ, сдѣланный имъ чрезъ посланника Клингрефа, и въ такомъ случаѣ намѣревался возстановить правильныя дипломатическія сношенія съ Петербургскимъ кабинетомъ ¹⁾. Напротивъ того, Кауницъ въ это самое время говорилъ англійскому посланнику въ Вѣнѣ, Кейту, что Англія могла бы лучше всего сохранить дружбу съ Австріей, сдѣлавъ надеженіе на Фридриха ²⁾, а саксонскій дипломатъ Флемингъ замѣтилъ, что въ случаѣ удачнаго исполненія намѣренія князя Кауница уничтожить Прусскаго короля, слѣдовало бы воздвигнуть памятникъ австрійскому министру ³⁾. Чрезъ измѣну саксонскаго канцелярскаго чиновника Менцеля и австрійскаго легаціоннаго секретаря Вейнпартена Фридрихъ подробно узналъ объ угрожающей ему опасности. Равнымъ образомъ и тайныя связи его съ Петербургомъ открыли ему глаза на этотъ счетъ, и онъ рѣшился быстротою своихъ дѣйствій уничтожить враждебныя умыслы своихъ непріятелей. Справедливо, какъ мы увидимъ ниже, при разборѣ русскихъ документовъ Воронцовскаго архива, Ранке замѣчаетъ, что Фридрихъ въ ту минуту, когда открылъ военныя дѣйствія, находился въ еще большей опасности со стороны континентальныхъ державъ, чѣмъ онъ предполагалъ ⁴⁾. Онъ зналъ, что долженъ будетъ казаться нарушителемъ мира, и что этимъ самымъ онъ предоставлялъ Австріи право разчитывать на помощь другихъ державъ, но онъ полагалъ, что начиная войну, онъ лишь оборонялся, и что такой „триумвиратъ въ Европѣ“, какъ онъ называлъ коалицію между Австріей, Россіей и Франціей, имѣетъ цѣлью исполненіе самыхъ опасныхъ проектовъ ⁵⁾. „Едва-ли“, говоритъ Ранке, упоминая о занятіи Саксоніи, „когда-нибудь было совершено нашествіе, столь сознательно и опредѣленно основанное на желаніи укрѣпить миръ, то-есть, быстрымъ ударомъ, нанесеннымъ на непріятеля, принудить послѣдняго отвѣтаться отъ своихъ намѣреній“. Фридрихъ во что бы то ни стало хотѣлъ удержать за собою то мѣсто, которое онъ занималъ въ Европѣ, сласти свою самостоятельность и защищаться противъ сильнѣйшихъ непріятелей ⁶⁾. „Настоятельное же-

¹⁾ *Raumer*, 365.

²⁾ *Raumer*, 364.

³⁾ *Ranke*, 208.

⁴⁾ *Ranke*, 237.

⁵⁾ *Ranke*, 227.

⁶⁾ *Ranke*, 230.

ланіе“, продолжаетъ Ранке, „сохранить миръ и одновременное съ этимъ начатіе войны кажется рѣзкимъ противорѣчіемъ; тѣмъ не менѣе одно обуславливается другимъ“¹⁾. Весьма достойны вниманія слѣдующія общія замѣчанія, которыми Ранке оканчиваетъ свое²⁾ сочиненіе: „Французы старой школы, знавшіе кое-что объ исторіи Германіи, видѣли въ Фридрихѣ новаго Густава-Адольфа, который однако въ то же время былъ Нѣмцемъ; кромѣ этого различія, имѣвшаго дѣйствительно историческое значеніе именѣю потому, что теперь протестанты въ Германіи не нуждались въ иностранномъ защитникѣ, еще существовало другое, заключавшееся въ томъ, что Густавъ-Адольфъ состоялъ въ союзѣ съ Франціей противъ Австрій, между тѣмъ какъ Фридрихъ долженъ былъ бороться и съ Франціей и Австріей. Еще третья держава должна была присоединиться къ послѣднимъ. Итакъ началась война, долженствовавшая рѣшить вопросъ о существованіи или несуществованіи Пруссіи. Война эта не имѣла слѣдствіемъ какаго-либо территориальныхъ измѣненій; однако, именно въ томъ, что такіа измѣненія не состоялись, и что Прусское государство, уничтоженіе котораго было цѣлью коалиціи континентальныхъ державъ, сохранилось въ полномъ своемъ составѣ, заключался великій успѣхъ. Оборона доставила этому государству высокое значеніе въ европейскомъ политическомъ мирѣ. Обороняясь, король Фридрихъ сдѣлался великимъ героемъ столѣтія. Послѣдующія поколѣнія восприняли животворный импульсъ, истекавшій изъ чувства побѣжденной опасности и спасенной самостоятельности. Безмѣрное несчастіе, постигшее Пруссию государство въ слѣдующее затѣмъ время, и дѣйствительно превратившее его въ развалины, стало началомъ эпохъ, въ которую оно возродилось, и чрезъ непрерывно-послѣдовательное развитіе своихъ живыхъ силъ, пришло наконецъ къ такимъ результатамъ, какихъ еще не видывалъ свѣтъ“.

Таковъ патріотическій взглядъ Ранке на событія 1756 года, основываемый имъ на историческихъ матеріалахъ, относящихся ко времени разрыва между Фридрихомъ и континентальными державами. Съ своей стороны мы полагаемъ, и постараемся доказать, что такой взглядъ подтверждается изданными въ новѣйшее время русскими дѣловыми бумагами.

О томъ, какъ Россія относилась къ Семилѣтней войнѣ, въ исто-

¹⁾ *Ranke*, 231.

²⁾ *Ranke*, 233—234.

рической литературы существовало пока не особенно много данных. Раумеръ въ своихъ „Beiträge zur neuern Geschichte“ сообщилъ донесенія англійскаго посланника Уилліамса изъ Петербурга; Геррманъ въ своемъ „Geschichte des russischen Staats“ цитировалъ кое-что изъ саксонскихъ архивовъ. Рацке, въ своемъ сочиненіи о началѣ Семилѣтней войны, пользовался донесеніями австрійскаго посланника графа Эстергази, хранящимися въ Вѣнскомъ архивѣ. Каждый изъ вышеупомянутыхъ историковъ указалъ только на отношенія Россіи къ одной изъ европейскихъ державъ. Нынѣ изданные матеріалы, заимствованные изъ Воронцовскаго архива, даютъ доступъ къ разработкѣ отношеній Россіи ко всѣмъ державамъ.

Въ III-мъ томѣ архива князя Воронцова, издаваемого г. Бартевнымъ, помѣщены, во первыхъ, „Письма О. Д. Бехтѣева къ графу М. Л. Воронцову, въ 1756 и 1757 гг.“ (стр. 147—307); во вторыхъ, множество матеріаловъ подъ заглавіемъ „Изъ бумагъ Елизаветинской конференціи, 1756 годъ“. И та, и другая группа архивныхъ документовъ имѣетъ большое значеніе при изученіи вопроса о началѣ Семилѣтней войны.

Бумаги изъ Елизаветинской конференціи напечатаны съ современныхъ списковъ, кромѣ нѣкоторыхъ, остающихся въ подлинникѣ. Конференція, имѣвшая особенное значеніе преимущественно во второй половинѣ царствованія императрицы Елизаветы, соединяла въ себѣ всѣ важнѣйшія государственныя дѣла. Она была учреждена 12-го декабря 1741 года, въ отмену дѣйствовавшего до того времени кабинета¹⁾. Весьма любопытенъ слѣдующій отрывъ саксонскаго дипломата графа Линара о засѣданіяхъ этой конференціи: „Эти собранія большаго совѣта, къ которымъ приглашаются тѣ министры и сенаторы, присутствіе которыхъ считается нужнымъ, созываются лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ и по дѣламъ особенной важности, преимущественно тогда, когда министерство считаетъ необходимымъ устранить себя отъ упрековъ, хотя въ этихъ собраніяхъ дѣла не особенно легко рѣшаются и часто не согласно со взглядами министровъ. Это случается потому, что лица, изъ которыхъ состоитъ этотъ совѣтъ, посѣщаютъ засѣданія, не имѣя точнаго понятія о томъ, что составляетъ предметъ преній; секретарь собранія читаетъ большее число записокъ не очень годныхъ для того, чтобы разъяснять запутанные вопросы людямъ, вообще не свѣдущимъ. По окончаніи чтенія,

¹⁾ Полное собраніе законовъ, № 8480.

между тѣмъ, каждый поочередно долженъ подать мнѣніе. Никто не желаетъ показывать видъ, будто онъ не вникнулъ въ самую суть дѣла; каждый образуетъ свое сужденіе по своему, секретарь же записываетъ эти мнѣнія по своему усмотрѣнію, такъ что обыкновенно устные мнѣнія, составленный о нихъ протоколъ и самый предметъ обсуждения не имѣютъ ничего общаго между собою. Императрица, слушая въ смежной комнатѣ, все это, смѣется и забавляется надъ этимъ. Канцлеръ, который послѣ всѣхъ другихъ подаетъ свое мнѣніе и одинъ хорошо знакомъ съ предметомъ, разумѣется, обыкновенно рѣшаетъ дѣло, и его мнѣніе принимается другими“¹⁾).

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ императрицѣ Екатеринѣ въ 1762 году, называетъ конференцію „монстромъ ни на что не похожимъ“. „Не было въ ней“ говоритъ онъ, „ничего учрежденнаго, слѣдовательно, все безответное и, схвати у государя законъ, чтобы по рескриптамъ за подписаніемъ конференціи вездѣ исполняли, отлучили государя отъ всѣхъ дѣлъ, слѣдовательно и отъ свѣдѣнія всего ихъ производства. Предъ государемъ просвѣщеннымъ не дерзко слово, но истинно: фаворитъ остался душой, оживотворяющею или умерщвляющею государство. Онъ вѣтромъ и непостоянствомъ нагруженный, не трудясь тутъ, производилъ однѣ свои прихоти, работу жъ и попеченіе отдалъ въ руки дерзновенному Волкову. Сей, подъ видомъ управленія канцелярскаго порядка, котораго тутъ не было, исполнялъ существительную роль перваго министра, былъ правителемъ самихъ министровъ, избиралъ и сочинялъ дѣла по самому хотѣнію, заставлялъ министровъ оныя подписывать, употребляя въ тому или имя государево, или подъ маской его волю и желанія фаворитовъ. Прихоть была единственнымъ правиломъ, по которому дѣла къ производству были избираемы“, и пр.²⁾

О вліяніи И. И. Шувалова на дѣла, конечно, достаточно имѣется данныхъ; такъ, напримѣръ, какъ мы увидимъ, онъ особенно былъ проводникомъ идеи о сближеніи съ Франціей. О значеніи Волкова, пожалованнаго въ конференцъ-секретари лѣтомъ 1756 года³⁾, можно заключить изъ вышеприведеннаго замѣчанія графа Линара.

Бумаги конференціи, помѣщенные въ III томѣ Архива князя Воронцова, заключаютъ въ себѣ, такъ-сказать, протоколы нѣко-

¹⁾ *Hartmann, Geschichte des russischen Staats*-V. 117.

²⁾ См. *Русскій Архивъ* 1871 года, ст. 1417 и 1418.

³⁾ См. Архивы князя Воронцова. III, 432, Докладъ императрицѣ, въ которомъ много говорится о неусынныхъ трудахъ и о ревности Волкова.

торыхъ засѣданій, въ которыхъ читались дипломатическія записки и доклады различныхъ лицъ и вѣдомствъ о положеніи дѣлъ въ внѣшней политикѣ и о мѣрахъ, которыя должно принять въ отношеніи къ этимъ вопросамъ. Важнѣйшія засѣданія, какъ видно изъ этихъ бумагъ, происходили 14-го марта, 30-го марта, 4-го и 6-го апрѣля. Затѣмъ, относительно слѣдующихъ мѣсяцевъ до августа, къ сожалѣнію, не встрѣчается никакихъ данныхъ о засѣданіяхъ конференціи. Самые важные матеріалы относятся къ переговорамъ съ Англійей, касательно возобновленія договора о субсидіяхъ весной и касательно медиации между Пруссіей и Австріей осенью 1756 года, къ переговорамъ съ Вѣнскимъ кабинетомъ о заключеніи наступательнаго союзнаго договора противъ Пруссіи, и къ переговорамъ съ Франціей о сближеніи съ этою державой и о присоединеніи Россіи къ австрийско-французскому договору отъ 1-го мая 1756 года, къ мѣрамъ принятымъ для открытія военныхъ дѣйствій, и наконецъ, къ польскимъ, саксонскимъ и турецкимъ дѣламъ.

Письма Э. Д. Бехтѣева къ графу М. Л. Воронцову почти исключительно относятся къ переговорамъ между Россіей и Франціей, происходившимъ до того тайно, что прочія державы почти вовсе о нихъ не знали.

Феодоръ Дмитріевичъ Бехтѣевъ былъ домашнимъ человекомъ у графа Михаила Ларионовича, который нѣкогда защитилъ его отъ его сосѣда-помѣщика Смоленской губерніи. Гдѣ получилъ Бехтѣевъ образованіе, намъ не извѣстно. Онъ училъ русской грамотѣ княгиню Дашкову и великаго князя Павла Петровича въ его малолѣтствѣ ¹⁾. Онъ въ Парижѣ игралъ ту роль, которую въ Петербургѣ игралъ кавалеръ Дугласъ, то-есть, былъ не вполне официальнымъ дипломатическимъ агентомъ. Для этой цѣли онъ выѣхалъ изъ Петербурга 28-го мая, находился въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Пруссіи, гдѣ впрочемъ довольно безуспѣшно старался собирать свѣдѣнія о приготовленіяхъ Фридриха Великаго къ войнѣ, затѣмъ провелъ нѣсколько дней въ Гагѣ и въ началѣ іюля мѣсяца находился уже въ Парижѣ. Тутъ онъ показывалъ въ отношеніи къ прочимъ дипломатамъ видъ человека, путешествовавшаго по собственнымъ частнымъ дѣламъ, однако тотчасъ же вступилъ въ сношенія съ важнѣйшими лицами французскаго двора, съ министромъ Рулье, съ принцемъ Конти, даже съ маркизою Помпадуръ, имѣлъ нѣчто въ родѣ краткой аудіенціи у короля Людо-

¹⁾ Замѣтка II. *Бартенева*, см. Архивъ кн. Воронцова, III, 148.

вика XV и старался разузнать, по возможности намѣренія различныхъ кабинетовъ чрезъ бесѣды съ саксонскимъ дипломатомъ Фицтумомъ, съ прусскимъ посланникомъ барономъ Книппгаузенемъ и съ австрійскимъ посланникомъ графомъ Штарембергомъ.

Въ какой мѣрѣ Бехтѣеву удалось сохранить въ тайнѣ свою дипломатическую миссію, можно видѣть изъ того обстоятельства, что о немъ почти вовсе не говорится въ исторической литературѣ, относящейся къ этимъ событіямъ, между тѣмъ какъ о пребываніи и дѣятельности Дугласа въ Петербургѣ встрѣчаются гораздо болѣе подробныя данныя. Такъ, напримѣръ, въ сочиненіи Флассана „Histoire de la diplomatie française“ ни слова не говорится о Бехтѣевѣ; вовсе не упоминается о немъ и въ сочиненіи „La cour de Russie il y a cent ans, 1725 -- 1783“, изданномъ въ Берлинѣ въ 1860 году и заключающемъ въ себѣ по болѣе части одни лишь переводы тѣхъ депешъ, которыя сообщены были уже гораздо раньше Раумеромъ въ его „Beiträge zur neueren Geschichte“. Германнъ только два слова говоритъ о путешествіи русскаго дипломатическаго агента, котораго онъ называетъ „Beklejew“¹⁾; Шеферъ замѣчаетъ только, что Фридрихъ II зналъ объ отправленіи Бехтѣева въ Парижъ, и что будто бы великій князь Петръ Ѳеодоровичъ писалъ къ Фридриху Великому лѣтомъ 1756 года, что Бехтѣевъ на дорогѣ во Францію осматривалъ берега Помераніи съ цѣлю — узнать, въ какой мѣрѣ при десантѣ русскаго войска можно разчитывать на успѣхъ²⁾.

Вскорѣ послѣ прибытія Бехтѣева въ Парижъ принцъ Конти въ разговорѣ съ нимъ замѣтилъ, что вѣроятно шпіоны уже наблюдаютъ за дѣйствіями его³⁾. Въ Европѣ вообще кое-что знали о готовности Россіи вступить въ сношенія съ Франціей. Саксонскій министръ графъ Бриль писалъ 30-го іюня (11-го іюля) къ Фицтуму: „Кромѣ первыхъ инсинуацій и интригъ кавалера Дугласа, я изъ конфиденціальнаго источника знаю, что ищутся еще другіе пути для сближенія Россіи съ Франціей. Между прочимъ французскому посланнику въ Нидерландахъ маркизу де-Боннаку поручена таковая негоціація. Даже говорятъ, что графъ Салтыковъ, русскій резидентъ въ Гамбургѣ, вскорѣ отправится во Францію, впрочемъ пока лишь въ качествѣ туриста, и что Французскій король назначилъ уже знатную особу для отправленія ея въ Россію. Старайтесь воспользоваться этими ука-

¹⁾ Gesch. d. russ. Staats. V. 134.

²⁾ Gesch. des Siebenjährigen Krieges I, 187 и 188.

³⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 159.

заніями, для того, чтобъ извѣстить насъ о настоящихъ взглядахъ и намѣреніяхъ французскаго двора“¹⁾. О Бехтѣевѣ, именно въ то время прибывшемъ въ Парижъ,—ни слова. Русскіе путешественники уже довольно часто посѣщали тогда французскую столицу. Такимъ казался и Бехтѣевъ. Однако Фицтумъ, встрѣтясь съ нимъ, началъ спрашивать о причинѣ его поѣздки. „Хотя онъ“, пишетъ Бехтѣевъ, „мнѣ давалъ знать, что онъ догадывался, что я не для смотрѣнія свѣта сюда пріѣхалъ, однако не получилъ отъ меня другаго изъясненія, кромѣ того, что я, бывъ въ Голландіи, по близости пользовался симъ случаемъ, чтобы на малое время здѣсь побывать, что буду и всѣмъ отвѣтствовать до полученія отъ вашего сіятельства повелѣнія, не взирая на то, что здѣшній дворъ радъ бы обо мнѣ разгласить. Г. Рулье самъ мнѣ сказалъ, что, какъ я бы ни старался, не могу здѣсь утаиться, и что трудно чужестранныхъ министровъ о противномъ тому увѣрить. На что я ему отвѣтствовалъ, что по меньшей мѣрѣ я съ моей стороны повода къ разглашенію о себѣ подать не хочу. Да и могу увѣрить ваше сіятельство, что до подписанія деклараціи ни здѣсь, ни въ тѣхъ земляхъ, чрезъ которыя я проѣхалъ, никто обо мнѣ не свѣдалъ: свидѣтельствомъ тому то, что по сѣхъ поръ обо мнѣ въ газетахъ не пишутъ, что къ немалому моему утѣшенію служить“²⁾.

Не смотря на свое первоначальное инкогнито, Бехтѣевъ, согласно требованіямъ этикета, былъ въ Парижѣ съ визитомъ у знатнѣйшихъ французскихъ сановниковъ и у посланниковъ, не исключая и нунція. „Всѣ и нунціусъ“, пишетъ Бехтѣевъ 13-го сентября, „мнѣ контравизиту отдали, кромѣ королевскаго польскаго посланника графа Фицтума“³⁾. Французскій министръ Рулье выразилъ желаніе, чтобы Бехтѣевъ объявилъ себя повѣреннымъ въ дѣлахъ⁴⁾. Бехтѣевъ не могъ этого исполнить, но постоянно находился тамъ, гдѣ находились дворъ и министры, то въ Парижѣ, то въ Компьенѣ, то въ Фонтенебло, и жилъ на широкую ногу, стараясь поддерживать такимъ образомъ достоинство Петербургскаго кабинета. Довольно часто онъ пишетъ о большихъ расходахъ своего пребыванія во Франціи, проситъ прибавки жалованья, денегъ на экипажъ и ссылается на расходы другихъ русскихъ дипломатовъ, напримѣръ, на образъ жизни Обрѣзкова. Пріѣхавъ въ Парижъ,

¹⁾ Geheimnisse des sächs. Kabinet I. 354.

²⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 168 и 169.

³⁾ Тамъ же, III, 197.

⁴⁾ Тамъ же, III, 162.

онъ 600 рублей слишкомъ истратилъ на одно платье; затѣмъ онъ содержалъ четырехъ ливрейныхъ лакеевъ, платилъ за карету 360 ливровъ. за квартиру 200 рублей въ мѣсяцъ, и притомъ, считалъ необходимымъ отыскать себѣ другую квартиру, потому что „одно слово обержа кажется не пристойно“; такимъ образомъ, онъ тратилъ въ мѣсяцъ около 1.500 ливровъ. Кромѣ дома въ Парижѣ, Бехтѣевъ, наравнѣ съ другими „министрами“, нанялъ себѣ домъ въ Фонтенебло и платилъ за него за шесть недѣль 500 ливровъ. Жить „въ отель-гарни“ онъ считалъ „за неприлично“. Нанявъ квартиру, онъ истратилъ на „домовныя уборы“ болѣе 1.000 рублей. Онъ жаловался Воронцову, что боится приплатиться изъ своего кармана, если ему не будетъ прибавлено жалованья, но считалъ безусловно необходимымъ „учредить себя такъ, чтобы конечно стыда не нанести“¹⁾.

Бехтѣевъ былъ очевидно весьма ловкимъ человекомъ, хорошимъ наблюдателемъ, осторожнымъ дипломатомъ. Его замѣчанія о церемоніалѣ при французскомъ дворѣ, о многихъ лицахъ, занимавшихъ важнѣйшія мѣста во Франціи, о Людовикѣ XV, о характерѣ Французовъ и пр. доказываютъ въ немъ проницательный умъ и знаніе людей. О Французахъ вообще онъ пишетъ: „Какъ ни кажется вѣтренъ французской народъ, со всѣмъ тѣмъ, сколь скоро касается до сохраненія или приобрѣтенія какого преимущества, то нѣтъ народа постояннѣе и твердѣе въ томъ, какъ французской. Всякія персональныя учтивости оказывать готовъ, а по характеру не болѣе, какъ введенной обычай велить“. И въ другомъ мѣстѣ: „Здѣшній народъ удивленія достоинъ: какое бы важное происшествіе и дѣло не было, малая самая новизна въ состояніи его оттого отвести“. О странныхъ понятіяхъ Французовъ въ отношеніи къ Россіи онъ пишетъ: „Французы, особливо знатные, думаютъ, что Французу у насъ надобно умереть съ голоду и холоду. Трудно у нихъ изъ головы вынять сіе затвердѣлое мнѣніе при роскошахъ, въ которомъ дворянство здѣсь погружено, и при маломъ понятіи, кое оно генерально имѣетъ о другихъ земляхъ“²⁾.

О министрѣ Рулье Бехтѣевъ пишетъ: „Г. Рулье человекъ уже не молодой, около 60 лѣтъ. Между другими качествами отдаютъ ему честь, что онъ правдоушный и пречестной человекъ, которой слово

¹⁾ Тамъ же, III, 178, 172, 184, 193, 236. Воронцовъ предложилъ императрицѣ въ началѣ 1757 года опредѣлить Бехтѣеву жалованья «противъ Дукласа 500 руб. на мѣсяцъ».

²⁾ 195, 196, 239.

свое свято хранить, не знает притворныхъ происковъ и кромѣ своихъ дѣлъ въ другія не мѣшается; чѣмъ болѣе я его зналъ, тѣмъ болѣе примѣтилъ, что онъ любитъ поступать съ откровенностію и безъ коварства". Немногомъ позже: „Г. Руде, человѣкъ недалекій, старый, въ тому же безпамятенъ, часто отъ многодѣлія ослабѣваетъ въ дѣлахъ политическихъ, не очень знающъ, будучи всегда употребленъ въ приказѣхъ внутренняго правленія, поступаетъ иногда съ иностранными министрами какъ съ челобитчиками, весьма къ подозрѣнію склоненъ, кромѣ своей должности ни въ какія дѣла не мѣшается. Хотя внутренне негодуетъ на аббата Берниса, что оному важнѣйшія иностранныя дѣла поручаются, однако явно тому противиться не смѣетъ, опасаясь маркизы“ (Помпадуръ) ¹⁾.

Дѣйствительно, аббатъ Берни не только при министрѣ Рулье значилъ въ дипломатическихъ дѣлахъ болѣе послѣдняго, но даже еще во время пребыванія Бехтѣва въ Парижѣ занялъ мѣсто Рулье. Онъ постоянно находился въ близкихъ сношеніяхъ съ маркизою Помпадуръ. О сей послѣдней Бехтѣвъ пишетъ: „Маркиза Помпадуръ отъ часу болѣе въ силѣ; она и достойна того; можно сказать, что прекрасная“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Бехтѣвъ замѣчалъ: „Маркиза отъ всѣхъ несказанно ненавидима. Всѣмъ бѣдствіямъ и несчастіямъ поставляетъ ее причиною“. Любопытно и слѣдующее извѣстіе: „Къ ней всегда чужестранные министры ходятъ на поклонъ, равно какъ ко всей фамиліи королевской“ ²⁾.

О партіяхъ при дворѣ Бехтѣвъ пишетъ, что многіе вельможи весьма недовольны сближеніемъ Франціи съ Австріей, но что они силы при дворѣ не имѣютъ. Главными противниками Фридриха Великаго при французскомъ дворѣ Бехтѣвъ называетъ аббата Берни, который, „хотя не въ совѣтѣ, но по кредиту у маркизы Помпадуръ немалую силу въ дѣлахъ имѣетъ“, и маршала Беллиля (Belleisle). Возлѣ нихъ Рулье мало значилъ, такъ что Бехтѣвъ пишетъ: „Г-нъ Рулье досадуетъ, что мимо его дѣла идутъ, и ему только приказываютъ. Правду сказать, съ нимъ нельзя ничего дѣлать. Лучшее въ немъ то, что не смѣлъ и честный человѣкъ. . . . Аббатъ Бернисъ, человѣкъ острый, воображеніе имѣетъ весьма живое; довольно ученъ и свѣдущъ въ дѣлахъ, сладкорѣчивъ, любитъ свѣтское житіе и веселье; онъ былъ знакомъ маркизѣ, когда она была мадамъ Тиролья; онъ въ ве-

¹⁾ 187, 277.

²⁾ 237, 245, 274.

ликой бѣдности дѣлывать для нея стипендіи и быть соучастникомъ въ веселіяхъ. Достигнувъ благополучія, она произвела его мало по малу, такъ сказать, изъ ничего, даже до чина статскаго министра. Можно сказать, что онъ ея тайный совѣтникъ, однако, дабы онъ всегда отъ нея зависѣлъ, то власти прямой въ руки ему не дано, то-есть, одного изъ главныхъ департаментовъ, неуповательно, чтобъ оной ему данъ былъ, въ разсужденіи его проворства и разума. . . . Маршалъ Веллиль, не взирая на глубокою старость, имѣетъ свѣжей разумъ и память. Въ рѣчахъ болѣе сокращенъ, нежели плодovitъ, мысли весьма ясны, изображаетъ ихъ столь внятно и свѣто, что очень легко понять его мнѣніе; одну погрѣшность ему приписуютъ, страсть къ присовокупленію богатства; притомъ, почитаютъ его за человѣка, который похлѣбству и лицемѣрію наилучше умѣетъ дать видъ искренности. . . . Сихъ двухъ человѣкъ надобно почитать за одного. Они почти всегда согласнаго мнѣнія. Нельзя имъ быть инако. Есть ли не такъ, то никто изъ нихъ такого кредита имѣть не будетъ. По состоянію ихъ характеровъ, они одинъ другому нуженъ *par des partis différens d'esprit et de caracité, et par l'influence que chascun d'eux a dans le ministère*. Все сіе вмѣстѣ соединя съ подпорою, которую каждой при дворѣ особливимъ образомъ имѣетъ, они будутъ всегда въ великой силѣ. Черезъ нихъ надобно идти, ежели кто хочетъ что сдѣлать, а ежели они не вступятся, то дѣлу конца нѣтъ. Графъ Старембергъ всѣ свои дѣла съ ними дѣлаетъ. Они ему у г-жи маркизы помогаютъ. Но онъ и самъ очень у ней въ кредитѣ. Когда онъ хочетъ съ королемъ говорить, то будто невзначай приходитъ къ ней на поклонъ, и тутъ его величество получаетъ видѣть, впротчемъ инако трудно случая сыскать; да и сколько я знаю, ни одинъ изъ чужестранныхъ министровъ того не имѣетъ“ ¹⁾. О Людвикѣ XV Бехтѣвъ замѣчаетъ: „Король съ природы былъ меланхоличенъ, а нынѣ по злоечастномъ приключеніи (покушеніи Даміена на жизнь короля) болѣе сталъ задумчивъ и боязливъ. такоже хотя часто и всегда самъ изволилъ присутствовать въ совѣтахъ, но оное признавать надобно наблюденіемъ установленнаго порядка въ дѣлахъ и способомъ для скорого оныхъ рѣшенія. Впрочемъ, кромѣ опредѣленныхъ для совѣта дней, рѣдко наединѣ съ министрами въ дѣлахъ упражняется; необходимо нужны его величеству для забавы выѣзды на охоту. Дофинъ не видно, чтобы также къ дѣламъ прилежалъ, и съ самага своего вступленія не слышно,

¹⁾ 205, 274, 279, 293.

чтобы при какомъ-нибудь слушаніи говорить о себѣ заставилъ. Вся сила состоитъ въ маркизѣ Помпадуръ, по чрезвычайной милости и до-вѣренности къ ней королевской. То безспорно, что она имѣетъ весьма проницательный и прехитрый разумъ. Она всѣ мѣры приняла и неуспѣшно старается о сохраненіи своего кредита; для того въ министерствѣ посадила такихъ людей, которые не токмо бѣ ей преданы, но и знаніемъ и умомъ не неравны были“.

Дипломатическая дѣятельность Вехтѣева была затруднена особенно двумя обстоятельствами. Вопервыхъ, нѣкоторымъ неудобствомъ для Вехтѣева было стараніе австрійской дипломатіи по возможности не допускать самостоятельныхъ прямыхъ сношеній между французскимъ и Петербургскимъ кабинетами. Роль посредника между Франціей и Россіей правилась Австріи. Вехтѣевъ страдалъ отъ такой опеки графа Штаремберга. Въ августѣ 1756 г. онъ пишетъ: „Я очень примѣтилъ, что Вѣнскій дворъ весьма хотѣлъ, чтобы моя коммиссія чрезъ нихъ шла, и нынѣ конечно старается, чтобы до прибытія пословъ по меньшей мѣрѣ начать негоціацію между нашимъ и здѣшнимъ дворомъ“. 16-го сентября: „Вѣнскій дворъ хотѣлъ, чтобы Франція ему одолженіе имѣла въ приведеніи насъ съ нею въ доброе согласіе и теперь конечно того наблюдаетъ и впредь наблюдать будетъ, чтобы мы съ здѣшнимъ дворомъ сами собою безъ его посредства ничего не дѣлали“. 23-го сентября: „Я еще повторяю, что Вѣнскій дворъ старается, дабы мы безъ него съ здѣшнимъ ничего не дѣлали, особливо въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ“. 8-го ноября: „Графъ Старембергъ... сильно того наблюдаетъ, чтобы всѣ наши дѣла чрезъ него шли, и для того нимало, что до негоціаціи ни касается, мнѣ не сообщаетъ, дая о томъ знать здѣшнему двору, что нашъ всю о томъ довѣренность къ Вѣнскому имѣетъ и чрезъ него все производить хочетъ; для того мнѣ мало о дѣлахъ говорятъ... Нашему послу трудно будетъ привыкать къ здѣшнимъ порядкамъ. Графъ Старембергъ его опасается, потому что одинъ нашихъ дѣлъ ужъ дѣлать не станетъ; для того спѣшитъ, чтобы до прибытія ихъ окончить“. Вехтѣевъ находитъ, что Петербургскій кабинетъ самъ виноватъ, подчиняясь такому вліянію Австріи. Онъ замѣчаетъ 8-го февраля 1757 года: „Все сіе происходитъ, что мы невѣдомо для чего своего министра не держали. Всегда, милостивый государь, худо чрезъ третьяго говорить, изволите теперь видѣть, что мы до того приведены, что нѣкоторымъ образомъ намъ въ Вѣнскомъ дворѣ для Турковъ нужда, нарочно спѣшили всѣ дѣла наши до прибытія пословъ окончать; боятся Вѣнцы, чтобы мы здѣсь ничего особ-

ливаго не заключили. Изволите увидѣть, что во всемъ намъ здѣсь препятствовать будутъ и не станутъ печалиться, если между нами холодность будетъ". Сильно жалуется Бехтѣевъ на неоткровенность Штаремберга, который только и заботится о томъ, „чтобы все чрезъ каналъ его двора шло, и мы бы тоємо то вѣдали, что имъ надобно“¹⁾.

Очевидно, многія дѣла шли помимо Бехтѣева; онъ не имѣлъ ни достаточныхъ инструкцій, ни полныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ. Не только Вѣнская дипломатія старалась ограничивать его значеніе, но и Петербургскій кабинетъ, въ отношеніи къ Бехтѣеву, не дѣйствовалъ открыто. Можетъ казаться даже страннымъ, что Воронцовъ считалъ нужнымъ содержать въ Парижѣ дипломатическаго агента, не имѣющаго ни вѣса, ни значенія, именно потому, что онъ не былъ снабженъ необходимыми для успѣшной дѣятельности данными. Поэтому-то онъ въ своихъ донесеніяхъ иногда жалуется на „воздержаніе“ Рулье и Штаремберга въ обращеніи съ нимъ. О тайныхъ переговорахъ между Вѣнскимъ и французскимъ дворами, о которыхъ зналъ Воронцовъ, какъ видно изъ приписки его къ одному изъ писемъ Бехтѣева²⁾, не знали ни Дугласъ въ Петербургѣ, ни Бехтѣевъ въ Парижѣ. Послѣдній пишетъ въ октябрѣ 1756 года: „О важныхъ дѣлахъ нельзя мнѣ требовать, чтобы могли они вдругъ совершенную откровенность ко мнѣ имѣть. И такъ хотя иногда стороною что и услышу, опасаясь прямо у нихъ навѣдываться, дабы чрезвычайнымъ любопытствомъ не подать повода къ подозрѣнію. А между тѣмъ, не будучи подлинно увѣренъ, по публичнымъ слухамъ ни о чемъ доносить не отваживаюсь... Я“, жалуется Бехтѣевъ въ мартѣ 1757 года, „не снабдевъ точными и ясными повелѣніями, и во всемъ поступалъ какъ ходящій человекъ во тѣмъ оцупкою. Повелѣно мнѣ, милостивый государь, споспѣшествовать, но въ чемъ, того я не знаю; а здѣсь мнѣ не сказываютъ, но только мнѣ всегда внушаемо было, что здѣшнія дѣла хорошо идутъ“, и проч.³⁾.

Такимъ образомъ, положеніе Бехтѣева въ Парижѣ было довольно странное. О его дипломатической миссии знали, по крайней мѣрѣ, Рулье, Конті, король, маркиза Помпадуръ, Берни и прочія лица французскаго двора, а также и графъ Штарембергъ. Съ другими дипломатами онъ видѣлся довольно часто, обѣдалъ то у папскаго нунція, то у испанскаго посланника, былъ хорошо принятъ даже у „Помпа-

¹⁾ 184, 196, 203, 219, 233, 241.

²⁾ 211.

³⁾ 230.

дурши“, постоянно занимался дѣлами, старался вникать въ самую суть положенія политическихъ вопросовъ, довольно подробно излагалъ свои соображенія о томъ, какъ слѣдовало бы Россіи дѣйствовать, а между тѣмъ, многое отъ него скрывали не только иностранцы, но даже и русскіе министры. Его пребываніе въ Парижѣ оказывается чуть не лишнимъ, особенно послѣ того, когда въ концѣ 1756 года туда пріѣхалъ русскій посланникъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Это обстоятельство умалываетъ нѣсколько значеніе этихъ донесеній Бехтѣева, какъ источника для исторіи переговоровъ между Россіей и Франціей въ 1756 году. Далѣе нужно сожалѣть о томъ, что изданы только письма Бехтѣева къ Воронцову, а вовсе неизвѣстны письма Воронцова къ Бехтѣеву. Тѣмъ не менѣе эти донесенія могутъ считаться важнымъ приобритеніемъ для исторической литературы.

Изучая русскіе матеріалы для исторіи Семилѣтней войны, изданные въ Архивѣ князя Воронцова, мы рассмотримъ значеніе ихъ по слѣдующимъ вопросамъ. Прежде всего, мы посмотримъ, каковы были отношенія Россіи къ Англіи и какимъ образомъ они измѣнились вслѣдствіе заключеннаго между Пруссіей и Англіей договора, въ январѣ 1756 года; затѣмъ мы намѣрены изложить исторію сближенія Россіи съ Австріей, съ цѣлью нападенія на Пруссію; далѣе мы укажемъ на исторію дипломатическихъ сношеній между Россіей и Франціей; наконецъ, на основаніи всѣхъ данныхъ, относящихся къ негодіаціи между Россіей съ одной и прочими державами съ другой стороны, мы постараемся подтвердить мнѣніе нѣмецкихъ историковъ, что не Фридрихъ, а Австрія и Россія были виновницами нарушенія мира.

Для того, чтобъ оцѣнить значеніе бумагъ Воронцовскаго архива въ отношеніи къ переговорамъ между Англіей и Россіей въ 1756 году, необходимо указать предварительно на существовавшія въ послѣднее время до этого года сношенія между этими обѣими державами. Сосдиненіе Ганновера съ Англіей заставляло послѣднюю державу постоянно заботиться о союзахъ съ континентальными державами для обезпеченія своихъ германскихъ владѣній. Поэтому въ сороковыхъ годахъ былъ заключенъ между Англіей и Россіей договоръ, въ силу котораго Англія платила ежегодно 100.000 фунт. стерл., а Россія обязалась содержать въ Лифляндіи и въ Литвѣ 30.000 человекъ войска на случай помощи Англичанамъ. Въ продолженіе всего этого времени Англія тратила довольно значительныя суммы денегъ на то, чтобы задобрить Бестужева, который и въ 1756 году могъ считаться глав-

нынѣ сторонникомъ союза съ Англіей. Такъ какъ договоръ въ извѣстное время могъ считаться направленнымъ противъ Пруссіи и имѣлъ цѣлью положить конецъ завоеваніямъ Фридриха, то и Австрія была имъ весьма довольна, и князь Кауницъ въ маѣ 1754 года настаивалъ на возобновленіи его. Для Австріи было весьма выгоднымъ превратить Ганноверъ въ средоточіе враждебныхъ махинацій противъ Фридриха Великаго.

До 1755 года англійскимъ посланникомъ въ Петербургъ былъ Гун Дикенсъ, человекъ уже пожилой, который считалъ для себя невозможнымъ участвовать въ придворныхъ празднествахъ такъ часто, какъ желали этого при дворѣ. Поэтому онъ былъ смѣненъ, и на мѣсто его былъ назначенъ Генбури Уилліамсъ, до того находившійся при дворѣ польскаго короля Августа III и не даромъ считавшійся однимъ изъ способнѣйшихъ противниковъ Фридриха Великаго. Въ Дрезденѣ онъ мечталъ о раздѣлѣ Пруссіи; въ Петербургѣ онъ былъ очень доволенъ встрѣтить при дворѣ нѣкоторыхъ лицъ, также настроенныхъ противъ Фридриха¹⁾.

И англійское правительство въ 1755 году не было расположено въ пользу Пруссіи. Въ инструкціи Уилліамсу министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Голдернесъ поручилъ новому посланнику внушить С.-Петербургскому кабинету, что интересъ Россіи требуетъ остановить честолюбивые замыслы короля Прусскаго, и что если Россія не рѣшится противоудѣйствовать опаснымъ намѣреніямъ послѣдняго и останется въ бездѣйствіи, то будетъ считаться лишь азіатскою державою, не имѣющею никакого вѣса и значенія въ Европѣ²⁾. Въ особенности же Россія должна была дѣйствовать противъ Франціи. Англія желала располагать во всякомъ случаѣ русскимъ войскомъ въ размѣрѣ 55.000 человекъ. Англія изъявила готовность платить 500.000 фунт. стерл. ежегодно.

Сначала Уилліамсъ въ Петербургѣ дѣйствовалъ удачно. Въ своихъ донесеніяхъ онъ пишетъ, что и Бестужевъ, и даже Воронцовъ съ Олсуфьевымъ и Волковымъ стоятъ за союзъ съ Англіей, и только просилъ, чтобы англійское правительство не жалѣло денегъ на одновременные подарки и ежегодныя пенсіи этимъ лицамъ. Бестужевъ, составивъ проектъ возобновленія прежняго договора согласно съ желаніями англійскаго правительства, получилъ, кромѣ обыкновенныхъ дипломати-

¹⁾ Объ отношеніяхъ Россіи къ Англіи см. *Германъ*, V, 94; *Раумеръ*, III, 276, 281, 282, 285, 300; *Шеферъ*, I, 101, 141.

²⁾ *Раумеръ*, 286.

ческихъ подарковъ, еще сумму 10.000 фунт. стерл. Воронцовъ также былъ щедро награжденъ и Уилліамсъ ходатайствовалъ о выдѣлѣ ему, кромѣ опредѣленной ему платы (*above his ordinary fees*), еще верстня, цѣною около 3.000 рублей ¹⁾.

Между тѣмъ однако въ продолженіе слѣдующихъ мѣсяцевъ произошло полнѣйшее измѣненіе отношеній между главными европейскими державами. Англія, находившаяся въ союзѣ съ Австріей, нисколько не желала поддерживать предположенія послѣдней державы завладѣть вновь Силезіей. Поэтому Австрія именно для достиженія послѣдней цѣли думала о сближеніи съ Франціей. Англія, послѣ объявленія войны Франціи, надѣялась на обезпеченіе своихъ германскихъ владѣній чрезъ союзъ съ Фридрихомъ Великимъ. Фридрихъ же, зная, что Англія имѣетъ сильное вліяніе на Петербургскій кабинетъ и даже располагаетъ значительнымъ отрядомъ русскихъ войскъ, уже по этому самому, для обезпеченія своихъ восточныхъ границъ, желалъ сближенія съ Англіей.

Такимъ образомъ, въ то время, когда императрица Елизавета откладывала ратификацію договора съ Англіей, происходило довольно тайно и неожиданно для прочихъ державъ заключеніе англо-прусскаго договора 16-го января 1756 года.

Фридрихъ Великій утверждалъ въ началѣ 1758 года, что онъ заключилъ этотъ договоръ съ Англіею въ томъ предположеніи, что вліяніе Англіи въ Петербургѣ окажется сильнѣе вліянія Австріи ²⁾. Однако именно въ послѣднее время происходило сближеніе между Россіей и Австріей, и развивались соображенія о необходимости „сократить“ Фридриха. Русское правительство, при заключеніи союза съ Англіей преимущественно имѣвшее въ виду враждебныя дѣйствія противъ Пруссіи, было въ крайнемъ недоумѣніи, когда Англія, соединившись такимъ образомъ съ Фридрихомъ, тѣмъ не менѣе требовала ратификаціи англо-русскаго договора о вспомогательныхъ войскахъ и субсидіяхъ ³⁾.

О томъ, какъ подѣйствовалъ англо-прусскій договоръ на Петербургскій кабинетъ, можно судить по рескрипту, отправленному къ русскому посланнику въ Лондонѣ, князю Голицыну, 8-го февраля 1756 года и напечатанному въ Архивѣ князя Воронцова ⁴⁾. Содержаніе

¹⁾ См. депешу Уилліамса у Раумера, 292—294.

²⁾ Раумеръ, 454.

³⁾ Договоръ сообщенъ цѣликомъ у Шефера, I, 582.

⁴⁾ Архивъ, 333—339.

этого документа донынѣ было извѣстно только чрезъ нѣкоторые замѣчанія въ письмѣ лорда Гольдернеса къ Уилліамсу, въ извлеченіи, напечатанномъ въ сочиненіи Раумера¹⁾.

Въ рескриптѣ князю Голицыну прежде всего говорится о томъ, что негоціація между Россіей и Англіей не имѣетъ „другого виду, какъ только обуздать короля прусскаго и диверсію ему сдѣлать, ежелибъ онъ кого-либо изъ общихъ нашихъ союзниковъ атаковать покусился“. Затѣмъ упоминается о заключеніи между Англіей и Пруссіей договора, „чтобъ вступленію чужестранныхъ войскъ въ Германію супротивляться“, и замѣчается, что пожалуй вслѣдствіе этого договора можно было бы ожидать сохраненія мира Фридрихомъ. Однако тутъ же указывается на беспокойный нравъ послѣдняго и на то обстоятельство, что „король Пруссій при первомъ своемъ впаденіи въ Шлезію, въ то самое время и день, австрійскому министру маркизу Боттѣ въ кабинетѣ своемъ наисильнѣйшія подавалъ о дружбѣ во дворѣ его увѣренія, когда указы къ арміи своей отправлялъ атаковать области тогдашней королевы Венгеро-Богемской“. Голицынъ долженъ дать знать англійскому министру, что императрица „не можетъ сообразить заключеніе сего трактата съ обнадеживаніями толико намъ о дружбѣ его величества повторенными, а наименьше съ должною между союзниками откровенностію“. Необъявленіе со стороны Англіи о намѣреніи вступить въ такія сношенія съ Пруссіей будетъ сочтено Россіей за нарушеніе „наружной благопристойности“ и „престаго обмыновенія“. Россія не понимаетъ, „какія бы нужныя причины англійскій дворъ имѣлъ къ заключенію трактата... Ежели англійскій дворъ думаетъ, что онъ чрезъ то безопаснымъ сдѣлаетъ Вѣнскій дворъ со стороны короля Прусскаго, ...то мы думаемъ, что въ томъ великая ошибка есть... Уступленіе королю Прусскому чрезъ англійскую же медицію Шлезія и англійская на оную ему гарантія не сдѣлала сего государя признательнымъ... Изъ заключеннаго нынѣ въ Лондонѣ съ королемъ Прусскимъ союза, мы не усматриваемъ инаго для Англіи дѣйствія какъ только, что огорчается тѣмъ Вѣнскій дворъ и много ослабѣвается существо заключенной съ нами конвенціи. А напротивъ того ясно доказать можно, что буде есть отъ оного какая польза, то вся королю Прусскому“. О послѣднемъ сказано далѣе: „Онъ поведеніемъ своимъ въ послѣднюю войну самъ научилъ союзниковъ при первомъ оной воспаленіи совокупными силами на него напасть... и справедливо опасался, что за-

¹⁾ 316.

ключенная съ нами конвенція... и расположеніе аустрійскихъ войскъ по большей части въ близости къ его границамъ составляютъ такую тучу, которая на него вдругъ со всѣхъ сторонъ грянетъ, своль скоро бы только сигналъ къ войнѣ данъ былъ. Къ отвращенію сего смертельнаго ему удара, могла ли когда-либо политика быть лучше дѣйствительною, какъ заключеніе трактата, которымъ общается супротивляться вступленію чужестранныхъ войскъ въ Германію, чѣмъ однакоже только наши помощныя наипаче разумѣться имѣли бь. ...Сей трактатъ, доставляя безопасность королю Прусскому, не связываетъ однакоже ему рукъ учинить новое въ Богемію впаденіе“. Въ заключеніе довольно рѣзко говорится объ Англіи: „Политика англійскаго двора въ томъ не понятна, что, сдѣлавъ много, не доканчиваетъ малаго... Такого рода политика его въ доставленіи королю Прусскому Шлезія, таковъ скоропостижно заключенный въ Ахенъ миръ безъ согласія аустрійскаго дома, а на его изживеніи, таковъ наконецъ и нынѣ заключенный съ королемъ Прусскимъ трактатъ... Мы не сумѣваемся, что англійской дворъ самъ признаетъ скоропостижность своего поступка“ и проч.

Князь Голицынъ прочиталъ Гольдернесу этотъ рескриптъ. Англійскій министръ удивился нѣсколько такому раздраженію Россіи именно потому, что донесенія Уилліамса совершенно противорѣчили смыслу русскаго документа ¹⁾. Англійскій посланникъ писалъ, что Вестужевъ говоря съ нимъ о новомъ договорѣ между Англіей и Пруссіей, „сдѣлалъ ему комплиментъ“ насчетъ послѣдняго и только прибавилъ, что Елизавета, по всей вѣроятности, найдетъ неудобнымъ, что объ этомъ договорѣ было сообщено прежде австрійскому посланнику въ Лондонъ, а затѣмъ только русскому, и что дѣйствительно сближеніе Пруссіи съ Англіей не можетъ быть пріятно императрицѣ. Впрочемъ Вестужевъ, давъ почувствовать Уилліамсу, что онъ еще не получалъ обѣщанныхъ денегъ отъ Англіи, изъявилъ готовность, въ случаѣ полученія ихъ, дѣйствовать въ пользу Англіи и согласно съ этимъ сообщилъ Уилліамсу депешу князя Голицына, только-что полученную изъ Лондона и дешифрованную для императрицы. Что касается до Воронцова, то онъ не безъ ироніи и двусмысленно замѣтилъ Уилліамсу, что „Россія въ случаѣ нарушенія мира Фридрихомъ намѣрена исправно исполнить свои обязанности“ ²⁾.

¹⁾ Раумеръ, 116.

²⁾ Раумеръ, 306.

Бестужевъ, побуждаемый личными интересами, ласкалъ Уилямса. Послѣдній не зналъ о положеніи дѣлъ, о раздраженіи императрицы. о готовящейся коалиціи противъ Фридриха, объ успѣшной дѣятельности графа Эстергази въ это самое время. Поэтому пользовавшійся почти исключительно депешами Уилямса, Раумеръ сильно ошибается, утверждая, что Россія не обращала большаго вниманія на заключеніе договора между Англіей и Пруссіей. Уилямсъ писалъ также, что и Австрія довольно равнодушно смотритъ на новый трактатъ, что Эстергази продолжаетъ обращаться съ нимъ весьма ласково и старается сообщать ему по возможности болѣе новостей ¹⁾. Наконецъ, Уилямсъ разчитывалъ еще на близкую, по его мнѣнію, кончину императрицы Елизаветы тѣмъ охотнѣе, что онъ хорошо зналъ о расположеніи въ пользу Англій великой княгини Екатерины ²⁾.

Напротивъ того, изъ бумагъ Воронцовскаго архива видно, что ни Петербургскій, ни Вѣнскій кабинетъ не были равнодушны къ сближенію между Англіей и Пруссіей. Въ какой мѣрѣ этотъ договоръ возбуждалъ австрійское правительство противъ обѣихъ державъ, видно изъ неизвѣстнаго доселѣ рескрипта Маріи-Терезіи къ графу Эстергази, сообщеннаго Бестужеву и Воронцову 19-го февраля и напечатаннаго въ III-мъ томѣ Архива князя Воронцова (стр. 339—354). Мы укажемъ только на нѣкоторыя важныя мѣста въ этомъ любопытномъ документѣ, неизвѣстномъ, какъ кажется, и профессору Ранке, между тѣмъ какъ онъ рельефнѣе другихъ, сообщенныхъ этимъ историкомъ рескриптовъ къ Эстергази и найденныхъ имъ въ Вѣнскомъ архивѣ, рисуетъ образъ мыслей Вѣнскаго кабинета ³⁾.

Марія-Терезія желаетъ „чтобъ общесоглашенность было, какъ бы дальновиднымъ замысламъ короля Прусскаго предѣлы положить“; она считаетъ „Россійскій дворъ для равнаго статскаго интереса въ разсужденіи короля Прусскаго и Порты за натурального союзника Австріи“. За то она порицаетъ рѣзко образъ дѣйствій Англій, которая „единственно на свой собственный статскій интересъ, а отнюдь

¹⁾ Раумеръ, 314.

²⁾ Тамъ же, 315.

³⁾ У Ранке говорится на стр. 118 и 119 о двухъ документахъ, отъ 28-го января и 11-го февраля въ нихъ встрѣчаются нѣкоторыя мысли, заключающіяся также въ русскомъ переводѣ рескрипта, однако Ранке воспроизводитъ содержаніе приведенныхъ имъ документовъ такъ кратко, что нельзя рѣшить окончательно вопросъ о тождественности ихъ. Во всякомъ случаѣ, въ сочиненіи Ранке не встрѣчается многихъ важныхъ мѣстъ этого напечатаннаго на русскомъ языкѣ рескрипта.

не на интересъ своихъ союзниковъ смотрѣла и ихъ только простыми орудіями употреблять хотѣла, дабы сакрѣируя ихъ собственные, Англійскій поспѣшествовать". Интересъ Англій, продолжаетъ Марія-Терезія, требуетъ вражды противъ Франціи, союза съ Пруссіей и Портой и потому, наиримѣрь, Англія гарантировала Пруссіи Силезію. Австрія, напротивъ, признаетъ Пруссію опаснѣйшимъ сосѣдомъ и тайнымъ непріателемъ. Далѣе Марія-Терезія находитъ страннымъ, что Англія заключила договоръ съ Пруссіей безъ согласія и безъ вѣдома союзниковъ и даже не сообщила копіи съ трактата; она находитъ, что такъ не должно обращаться съ древнею, вѣрною и полезною совѣтницей. Ей „наибольше чувствительно англійское малодуваніе, показанное Ея Величеству Россійской императрицѣ, ближайшей союзницѣ“ Маріи-Терезіи. Очевидно Англія, которая не можетъ сомнѣваться въ непріятельскихъ умыслахъ короля Прусскаго противъ Россіи и Австріи, желаетъ прежнюю дружбу съ Россіей промѣнять на дружбу Пруссіи. О Фридрихѣ Великомъ Марія-Терезія говоритъ, что онъ „еще больше распространить свою область и сдѣлается на сухомъ пути ужасомъ Европы“. Протестанты, надѣясь на Фридриха, притѣсняють католиковъ, пренебрегаютъ верховною главою имперіи и поступаютъ такъ, будто хотятъ новой войны за вѣру и желаютъ сдѣлать короля Прусскаго антицесаремъ. Англія же старается привлечь къ себѣ сильнѣйшіе протестантскіе дома, какъ то Пруссію, Брауншвейгъ и Гессенъ, и положить основаніе протестантскому соединенію. При такихъ обстоятельствахъ Марія-Терезія находитъ, что „французскій дворъ особливо всякую атенцію заслуживаетъ“, и что обо всемъ „въ тѣснѣйшей откровенности“ нужно донести императрицѣ Елизаветѣ, съ англійскимъ же посломъ Уиліамомъ графъ Эстергази долженъ поступать со всякою осторожностью и не вступать съ нимъ ни въ малѣйшую откровенность.

Между тѣмъ въ Петербургѣ узнали подробности англо-прусскаго договора. Изъ всеподданнѣйшаго доклада императрицѣ (Арх. кн. Воронцова III. 355) видно, что Уиліамъ былъ у Бестужева и бесѣдовалъ съ нимъ и съ Воронцовымъ объ этомъ предметѣ (22-го февраля). Бестужевъ, сдѣлавъ уже прежде императрицѣ предложеніе учредить особенную комиссію для обсужденія вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ поступать Россіи при столь натянутаго положенія дѣлѣ, утверждалъ, что Россія; не смотря на англо-прусскій договоръ, можетъ сохранить и далѣе въ полной силѣ свой собственный договоръ о субсидіяхъ съ Англіей (см. тамъ же 358). При этомъ однако Бестужевъ былъ того

мнѣнія, что Россія не должна упускать изъ виду, что „король Прусскій на пунктѣ стоитъ похитить славу, принадлежащую одной Ея Императорскому Величеству, и сдѣлаться арбитромъ Европы“, и что потому нужно все приготовить къ походу. „Король Прусскій“, продолжаетъ Бестужевъ, „натурально подозрѣвая, что всѣ чинимыя здѣсь движенія наглавнѣйше усмиреніе его въ виду имѣютъ, покинетъ думать о распространеніи своей силы и власти, но паче въ страхъ и недѣйствіи останется. А Англія, увидя потому, что дружба сего государя ей совсѣмъ бесполезна, будетъ о нынѣшнемъ своемъ съ нимъ трактатѣ раскаяваться и потому стараться сію прошибку наградить ближайшимъ съ здѣшнимъ дворомъ соединеніемъ“. Бестужевъ обращаетъ вниманіе императрицы на неудобство часто собирать конференцію по поводу этихъ вопросовъ; онъ замѣчаетъ, что резолюціи конференціи весьма часто прекословятъ одна другой, „потому что никакой прямой конексіи въ оныя вести нельзя“; поэтому учрежденіе комиссіи или „тайнаго военнаго совѣта“ ему кажется гораздо цѣлесообразнѣе. Бестужевъ считалъ Россію до того вліятельною державою въ Европѣ, что одно учрежденіе такого совѣта, по его мнѣнію, должно было „остановить на довольное время резолюціи всѣхъ въ Европѣ державъ, ибо каждый за нужно и необходимо для себя почтетъ обождать сперва, какія будутъ сего новаго военнаго совѣта упражненія и къ чему прямо опредѣленіе его клониться имѣетъ, а изъ того то произойдетъ, что стараясь каждый ближе здѣшнія склонности распознать, натурально принужденъ будетъ свои тѣмъ больше обнажить, а всегда здѣшнему двору оставить во власти рѣшеніе между ими дѣлать“. Такимъ образомъ Бестужевъ надѣялся принудить всѣ державы, удивя и остановя каждую въ своихъ устремленіяхъ, обратить глаза и атенцію предпочтительно всѣмъ другимъ на здѣшній дворъ, и чрезъ то сдѣлавъ ихъ неотмѣнными искателями здѣшней дружбы, избирать тогда что лучшее“.

Бестужевъ составилъ проектъ инструкціи тайному военному совѣту. Тутъ опять таки увазывается на необходимость „приводить короля Прусскаго въ прежнее его для нашей имперіи не толь вредительное состояніе“, на заключеніе съ Англіей договора о субсидіяхъ именно для этой цѣли. Англія, говорится далѣе въ этомъ проектѣ, почитаетъ прямое равновѣсіе въ Европѣ въ равновѣсіи протестантской религіи съ римскою и желаетъ, чтобы римская императорская корона могла быть „не въ однихъ католицкихъ, но по перемѣнамъ и въ протестантскихъ домахъ“; этимъ самымъ Австрія будетъ при-

нуждена думать о союзѣ съ Франціей, а затѣмъ не боясь болѣе французскихъ интригъ противъ Австріи при Оттоманской Портѣ, Вѣнскій кабинетъ не будетъ столько заботиться о союзѣ съ Россіей, такъ что Россія этимъ самымъ лишится отчасти своей „инфлюенціи“ въ Европѣ. Во всякомъ случаѣ нужно препятствовать, чтобы Фридрихъ сдѣлался медиаторомъ между Франціей и Англіей и „арбитромъ“ всей Европы, и слѣдовательно, получилъ бы новые способы приобрести себѣ приращеніе. Между тѣмъ для Россіи было бы тѣмъ безславнѣе выпустить изъ рукъ свою, „инфлюенцію“, что Петру Великому такъ много стоило приобретеніе оной. Черезъ сохраненіе знатности и инфлюенціи Россіи можно надѣяться на приведеніе Прускаго короля въ прежніе предѣлы.

И императрица, и Бестужевъ, и Воронцовъ, и коллегія иностранныхъ дѣлъ были согласны въ той мысли, что слѣдуетъ заботиться о „сокращеніи“ силъ короля Прускаго. За то таково согласія не было въ отношеніи въ англо-русскому договору, какъ видно изъ „мнѣнія коллегіи иностранныхъ дѣлъ“ и „примѣчаній къ нему графа Бестужева“ (Арх. кн. Воронцова III. 368—375). Коллегія находила, что образомъ дѣйствій Англии вся здѣшняя система опровергнута, что англо-прусскимъ трактатомъ уничтожается англо-русская конвенція о субсидіяхъ, и что Россія, при такихъ обстоятельствахъ, не можетъ принимать далѣе субсидій отъ Англии. При этомъ коллегія однако считала возможнымъ сохраненіе дружбы между Англіей и Россіей и желала, чтобы никакой явной холодности между обѣими державами не было. За то Россія должна совѣтовать англійскому двору, чтобы онъ не дозволилъ королю Прусскому столь выгодную для него честь медиаторства, и чтобы Англичане свои интересы не ввѣрили въ его руки и на его рѣшеніе.

Совсѣмъ другого мнѣнія былъ Бестужевъ, хотя и онъ допускалъ, что англо-прусскій договоръ „разрушаетъ прямой видъ здѣшней конвенціи, то-есть, чтобы атаковать короля Прускаго общими силами“. По его мнѣнію, Россія не должна, была отказываться отъ договора съ Англіей уже потому, что этимъ самымъ Россія „окажетъ предъ всѣмъ свѣтомъ только напрасно, какое было противъ короля Прускаго устремленіе, и доставитъ ему сатисфакція, такъ сказать ручаться, что онъ политикою своею въ ничто обратилъ здѣшнее намѣреніе. Увидитъ онъ, чего ему для переды отъ здѣшней стороны ожидать надлежитъ и что прежде нежели успѣютъ его силы сократить, надобно ему стараться о сокращеніи здѣшнихъ“. „Правда“, часть СЛXIII, отд. 2.

продолжаетъ канцлеръ, „ежелибъ намѣреніе принято было теперь тотчасъ короля Прусскаго атаковать, то здѣшняя конвенція почти сама уничтожалась бы, и не прилично было бы отъ Англіи получать деньги для атакванія ея пріятеля. Но понеже сіе намѣреніе, хотя бы и принято было, такъ скоро въ дѣйство произведено быть не можетъ, ибо надобно о томъ согласиться съ Вѣнскимъ дворомъ, а сіе соглашеніе нѣкотораго времени требуетъ, хотя и сумнѣнія нѣтъ, что Вѣнскій дворъ съ радостію на то поступитъ, да и дѣйствительно чинимыя къ войнѣ приготовленія для лучшаго оныхъ успѣха надлежало бы такъ скрывать отъ короля Прусскаго, чтобъ онъ не примѣтилъ, что атаковать его соглашено: то видится подобная конвенція, какова здѣшняя съ Англіею наилучшимъ претекстомъ служить сдѣлать сіи приготовленія королю Прусскому непримѣтными. А англійскій дворъ, употребя самъ противу здѣшняго политигу, что здѣшнею конвенціею пользовался привлекии себѣ короля Прусскаго, надобно и противу его употребить оную, и дружбой англійскою съ королемъ Прусскимъ къ тому пользоваться, чтобъ атаковать сего послѣдняго тогда, когда бы онъ того наименьше ожидалъ, слѣдовательно съ большею объ успѣхѣ надежностію“.

Итакъ, Бестужевъ полагалъ, что отказаться отъ конвенціи съ Англіей „еще всегда время будетъ, а теперь нѣтъ никакой нужной причины на то поступать такъ скоропостижно и рановременно“. За то, по его мнѣнію, слѣдовало доказывать Англіи, „коль обманчива дружба короля Прусскаго, и тѣмъ, буде можно, мало по малу отводить Англію отъ оной и направлять на путь прежней системы“.

О томъ, какъ въ это время сама императрица относилась къ вопросу о конвенціи съ Англіей, мы узнаемъ подробно изъ весьма любопытнаго донесенія графа Эстергази, сообщеннаго въ сочиненіи Ранке. Однажды, по случаю свадьбы одной изъ статсъ-дамъ, она встрѣтилась съ австрійскимъ посланникомъ и заговорила съ нимъ объ англо-прусскомъ трактатѣ въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ. Она спросила графа Эстергази: какъ думаютъ объ этомъ предметѣ въ Вѣнѣ. Эстергази увѣрялъ, что Вѣнскій дворъ вполне раздѣляетъ мнѣніе Петербургскаго, что объ державы имѣютъ одинаковый интересъ, и что онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до этого сообщилъ Бестужеву подробную записку объ особенно дружескомъ и союзническомъ расположеніи Австріи къ Россіи. Императрица высказала крайнее удивленіе, что ей ничего не было сказано о сообщеніи такой записки графа Эстергази, и при этомъ случаѣ вообще сильно жаловалась на небрежность, упрям-

ство и вѣстолюбіе Бестужева, который никакъ не терпѣть ни малѣйшаго вліянія другихъ лицъ на дѣла и состоитъ въ близкихъ сношеніяхъ съ великимъ княземъ и его супругою и котораго личность становится ей, императрицѣ, все болѣе и болѣе неприятною. Далѣе Елизавета жаловалась на упрямство, съ которымъ наслѣдникъ престола противодѣйствуетъ ея соображеніямъ, и кончила тѣмъ, что она имѣетъ полное довѣріе къ графу Эстергази ¹⁾).

Такое нерасположеніе императрицы къ Бестужеву могло повліять и на рѣшеніе вопроса объ англо-русской конвенціи. Ранке сообщаетъ весьма любопытный фактъ, что противники Бестужева велѣли перевести замѣтки англійскихъ газетъ объ этой конвенціи, подвергли эти газетныя статьи строгому анализу и стали возбуждать императрицу противъ Англій. Они, между прочимъ, утверждали, что Россія нуждается въ войскахъ, обѣщанныхъ Англій, для сохраненія порядка внутри имперіи, что англійскія субсидіи далеко недостаточны для покрытія расходовъ при содержаніи войскъ въ болѣе отдаленныхъ странахъ, и что Бестужевъ при заключеніи такой конвенціи не имѣлъ въ виду пользы государства. Вслѣдствіе всего этого Елизавета изъявила готовность ратифицировать англо-русскую конвенцію не иначе, какъ по присовокупленію особеннаго условія, а именно такого ограниченія, что русскія войска, предоставленныя Англій, могутъ быть употреблены не иначе какъ противъ Пруссій, въ случаѣ нападенія, сдѣланнаго послѣднею державою или на Англій, или на союзника Англій, то-есть, на Австрію ²⁾).

¹⁴/₂₅-го марта происходило засѣданіе конференціи, въ которомъ участвовали императрица, великій князь, Бестужевъ, Воронцовъ, братья Шуваловы и другіе сановники, и въ которомъ, какъ видно изъ бумагъ князя Воронцова, читались вышеупомянутые документы, и обсуждался вопросъ объ англо-русской конвенціи. Объ этомъ засѣданіи весьма мало узналъ англійскій посланникъ Уилліамсъ, предъ которымъ систематически скрывали настоящія намѣренія Россіи; за то Ранке разказываетъ ходъ преній въ этомъ засѣданіи по депешѣ графа Эстергази, который легко могъ узнать о подробностяхъ этого дѣла при томъ особенномъ довѣрїи, какимъ онъ, какъ мы видѣли, пользовался со стороны даже самой императрицы. Изъ архива князя Воронцова мы знаемъ лишь о томъ, какія бумаги были заслушаны въ

¹⁾ Ранке, стр. 133 и 134.

²⁾ Ранке 131. Шеферъ 144. Раумеръ 344.

этомъ засѣданіи; о бесѣдѣ, сопровождавшей чтеніе, разказываетъ Ранке, по донесенію Эстергази, найденному имъ въ Вѣнскомъ архивѣ, слѣдующее:

„Бестужевъ открылъ засѣданіе чтеніемъ записки, въ которой по разнымъ соображеніямъ предлагалъ принять субсидіи отъ Англіи. Императрица возразила, что она тѣмъ самымъ обезчестила бы себя въ глазахъ Европы. Она стала горячо говорить противъ виновника конвенціи, Бестужева, который, очевидно руководимый своими личными выгодами, старается сосредоточивать всѣ дѣла исключительно въ своихъ рукахъ. Она настойчиво указывала на распоряженія Петра Великаго, въ силу которыхъ для обсужденія иностранныхъ дѣлъ всегда должна была существовать особенная коллегія. Въ этомъ тонѣ заговорили потомъ и нѣкоторые другіе члены конференціи; Бестужевъ, въ смущеніи, со слезами увѣрялъ, что не можетъ ни на шагъ отступить отъ своего мнѣнія въ отношеніи къ Англіи, что онъ не можетъ согласиться на что-либо, несогласное съ его честью. Можетъ-быть, въ первый разъ при этомъ случаѣ обнаружилось вліяніе супруги великаго князя, въ послѣдствіи Екатерины II. Англійскій посоль состоялъ съ нею въ перепискѣ политическаго содержанія и не могъ нахвалиться тою ревностью, съ которою она поддерживала мнѣніе о сохраненіи въ силѣ англійской конвенціи, не смотря на англо-прусскій трактатъ о нейтралитетѣ. При подачѣ мнѣній шесть голосовъ, голоса великаго князя и Бестужева были за сохраненіе въ силѣ англійской конвенціи; четыре члена, между ними Воронцовъ, были противъ конвенціи. Касательно субсидій однако было опредѣлено, что принятіе ихъ должно обуславливаться благоприятнымъ отвѣтомъ Англіи на прибавленную къ ратификаціи ограничивающую силу конвенціи декларацію“¹⁾).

Вскорѣ послѣ этого однако оказалось, что Англія и знать не хотѣла о какомъ-либо ограниченіи такого рода, заключающемъ въ себѣ при настоящемъ положеніи дѣла одно лишь оскорбленіе для Фридриха Великаго. Такимъ образомъ, возобновленіе конвенціи оказалось дѣломъ несбыточнымъ, не смотря на оптимизмъ Уилліамса и на старанія Бестужева, имѣвшаго все еще, какъ видно, между прочимъ, изъ вышеупомянутой баллотировки, сильное вліяніе. Очевидно, Бестужевъ сообщил кое-что Уилліамсу о происходившемъ въ конференціи и въ то же самое время объявилъ ему, что пока не можетъ

¹⁾ Реляція Эстергази отъ 19/30 марта у Ранке, стр. 137.

съ нимъ имѣть свиданія, но что не теряетъ надежды на благопріятный исходъ дѣла ¹⁾).

Весьма любопытно видѣть, что въ то самое время, когда въ Петербургѣ, весной 1756 года, было опредѣлено сдѣлать со стороны Австріи и Россіи нападеніе на союзника Англіи, Фридриха Великаго, англійскій посланникъ Уилліамсъ не терялъ надежды сохранить прежнія дружескія отношенія между Англіей и Россіей и все еще хлопоталъ о конвенціи.

Такой взглядъ Уилліамса былъ важенъ въ томъ отношеніи, что и Фридрихъ Великій, въ это время часто получавшій извѣстія изъ Англіи, надѣялся на миръ со стороны Россіи. Часто въ это время онъ обращался къ англійскому посланнику Мичеллю съ вопросомъ, можно ли надѣяться на союзъ между Англіей и Россіей, и каждый разъ получалъ утвердительный отвѣтъ ²⁾. Фридрихъ хорошо понималъ, что мирнымъ расположеніемъ Россіи обусловливалось тогда спокойствіе Германіи ³⁾. Для этой цѣли онъ старался настраивать Оттоманскую Порту противъ Россіи, надѣясь этимъ отвлечь вниманіе Петербургскаго кабинета отъ германскихъ дѣлъ; для этой цѣли и онъ, и англійское правительство старались подкупомъ дѣйствовать на вліятельнѣйшихъ сановниковъ въ Петербургѣ.

Въ то самое время, когда Фридрихъ писалъ къ Мичеллю, что надѣется на сохраненіе мира чрезъ возобновленіе англо-русскаго трактата, Елизавета оставалась при своемъ мнѣніи, „что по силѣ конвенціи съ Англіей, думано здѣсь получить удобный случай къ атакованію короля Прусскаго общими силами и потому съ меньшею трудностію привести его въ желаемое сокращеніе силъ“ ⁴⁾. А между тѣмъ Уилліамсъ надѣялся на Бестужева, который долженъ былъ дѣйствовать въ пользу мира. „Бестужевъ боленъ“, писалъ англійскій посланникъ 12-го іюня, — „но онъ стоитъ за дѣло Англіи. Военныя приготовленія не поведутъ ни къ чему“ ⁵⁾.

Продажность Бестужева и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ доходила до крайнихъ предѣловъ. Уже въ 1745 году одинъ дипломатъ

¹⁾ См. *Раумеръ*, 315. О нежеланіи Англіи согласиться на ограниченіе въ конвенціи см. тамъ же письмо Гольднереса къ Уилліамсу.

²⁾ См. *Раумеръ*, 335.

³⁾ *Раумеръ*, 341.

⁴⁾ Архивъ князя Воронцова, III. 377. Объявленіе императрицы персонамъ, собраннымъ въ совѣтъ.

⁵⁾ *Раумеръ*, 343.

пишетъ о Бестужевѣ, что онъ беретъ денегъ отъ противоположныхъ партій, общая одной дѣйствовать угрозами противъ другой, и общая послѣдней не приводитъ въ дѣйствіе этихъ угрозъ ¹⁾). Въ началѣ іюля Уилліамсъ писалъ: „Бестужевъ жалуется, что не можетъ жить вполне независимо жалованьемъ, получаемымъ имъ отъ императрицы въ размѣрѣ 7.000 рублей; онъ желаетъ, чтобы король Англійскій назначилъ ему 2.500 ф. ст. ежегодно, и въ такомъ случаѣ онъ готовъ впредь служить Англии безусловно“ ²⁾). Въ Англии на это требованіе согласились тотчасъ же, въ надеждѣ на сильное вліяніе Бестужева. Равнымъ образомъ и великая княгиня изъявила желаніе получить отъ Англии 20.000 червонцевъ, утверждая, что она должна тратить большія деньги для того, чтобы подкупить прислугу императрицы ³⁾). Уилліамсъ также писалъ, что посланный Воронцова сказалъ ему: „Все прошлое слѣдуетъ забыть; дѣла могутъ поправиться. Вы еще никогда не обращались къ вице-канцлеру надлежащимъ образомъ. Постройка его городского дома начата англійскими деньгами; пять-шесть лѣтъ онъ не строился далѣе; нужно и достроить этотъ домъ англійскими деньгами“. Я отвѣтилъ: вице-канцлеръ понинѣ велъ себя такъ, что онъ долженъ теперь сперва доказать свою преданность, а затѣмъ только я могу съ нимъ вступить въ сдѣлку. „Если вы“, возразилъ мнѣ повѣренный вице-канцлера, „не хотите дать денегъ, то другіе дадутъ; вотъ и Дугласъ уже нѣкоторымъ лицамъ роздалъ много денегъ“ ⁴⁾). 17-го августа Уилліамсъ писалъ: „Въ настоящее время вліяніе Бестужева имѣетъ перевѣсъ. Если онъ будетъ дѣйствовать такъ, какъ общается, то все пойдетъ хорошо“. И Фридрихъ II, съ своей стороны, велѣлъ предложить Бестужеву 100.000 талеровъ. Уилліамсъ пишетъ 28-го сентября: „Я старался поддѣйствовать на Бестужева въ пользу Пруссіи. Первые два-три раза я находилъ его недоступнымъ; чѣмъ яснѣе я, однако, выражался въ отношеніи къ размѣру суммы денегъ, тѣмъ болѣе онъ уступалъ. Наконецъ, онъ мнѣ подалъ руку и сказалъ: „Отнынѣ я буду другомъ короля, но пока не вижу, какимъ образомъ я могъ бы быть полезнымъ ему. Еслибъ я зналъ это двумя мѣсяцами раньше, то многое можно было бы сдѣлать“. Къ этому, однако, Бестужевъ прибавилъ, что онъ нуждается

¹⁾ Германнъ, V. 90.

²⁾ Рауверъ, 347.

³⁾ Тамъ же, 348.

⁴⁾ Тамъ же, 349.

еще въ деньгахъ для другихъ лицъ и просилъ для этой цѣли еще 10.000 червонцевъ ¹⁾).

Но было уже поздно дѣйствовать въ пользу Англіи и Пруссіи. Сближеніе съ Австріей и съ Франціей повело уже къ опредѣленнымъ результатамъ. Старанія Уилліамса и Бестужева оказались тщетными. „Англіійскій посланникъ“, замѣчаетъ Екатерина въ своихъ запискахъ, „былъ или казался обманутымъ канцлеромъ. Бестужевъ не могъ дѣлать того, чего хотѣлъ. Его противники вытѣсняли его и интриговали, или же они были предметомъ интриги для того, чтобы привлечь ихъ къ французско-австрійской партіи, къ которой они были очень склонны“ ²⁾).

Изъ Архива князя Воронцова мы узнаемъ о послѣднихъ попыткахъ Уилліамса сохранить связь между Англіей и Россіей еще слѣдующее. 12-го августа онъ имѣлъ официальную бесѣду съ вице-канцлеромъ и старался уговорить его къ принятію Россіей субсидій въ размѣрѣ 100.000 ф. ст., представляя при этомъ, что Россія тѣмъ самымъ ни къ чему обязана не будетъ. Но послѣ того въ конференціи 17-го августа было рѣшено отказать въ принятіи этихъ денегъ въ настоящее время, потому что такое „домогательство Англіи заставляетъ подозрѣвать, нѣтъ ли въ томъ соглашеннаго съ королемъ Прусскимъ намѣренія, дабы чрезъ то буде не вынудить здѣшнюю помощь противу Франціи, то однакоже, парадирюя отправленіемъ помянутой суммы, не токмо оную, то-есть, Францію, но и Вѣнскій дворъ тревожить и приводить въ недовѣрку о истинности здѣшнихъ намѣреній, слѣдовательно, затруднить и воспрепятствовать производимую съ французскимъ дворомъ негоціацію“. За то было рѣшено отвѣтить Уилліамсу, что Россія не совсѣмъ отказывается отъ принятія субсидій, но не можетъ принять ихъ до полученія изъясненій о намѣреніяхъ Англіи ³⁾).

Между тѣмъ началась война, и Уилліамсъ долженъ былъ оставить Петербургъ. Въ послѣднее время своего пребыванія тамъ онъ еще чрезъ самого Бестужева, котораго саксонскій кабинетъ считалъ тогда главой австрійско-саксонской партіи въ Петербургѣ, узналъ нѣкото-

¹⁾ Раумеръ, 378, 398 — 400.

²⁾ Memoiren der Kaiserin Katharina. Hannover 1859 (deutsche Uebersetzung), 236.

³⁾ Архивъ кн. Воронцова, III. 438, 433 и 434. Лордъ Вальдегревъ замѣтилъ: „Хотя и Русскіе не исполнили своихъ обѣщаній, они поступили благороднѣе, тѣмъ обыкновенно дѣлается въ такихъ случаяхъ, такъ какъ они, не желая заслужить себѣ нашихъ денегъ, отказали въ полученіи иныхъ“. См. Mahon, Gesch. v. England 1713—1763. IV, 92.

рыя важныя подробности объ образѣ дѣйствій Россіи лѣтомъ 1756 года и о томъ, какъ русскій дворъ въ іюнѣ этого года непремѣнно хотѣлъ открыть военныя дѣйствія, и что только вслѣдствіе мнѣнія графа Эстергази и Воронцова, желавшихъ отсрочки войны, этотъ проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе ¹⁾. Равнымъ образомъ, отъ великаго князя и великой княгини Уилліамсъ въ послѣднее время своего пребыванія въ Петербургѣ получилъ письма, въ которыхъ была выражена искренняя привязанность къ Англіи и сожалѣніе о неуспѣшной дѣятельности англійскаго посланника ²⁾.

Изъ бумагъ Архива князя Воронцова видно далѣе, что Уилліамсъ въ послѣднее время все еще хлопоталъ о возобновленіи истекшаго торговаго договора съ Англіей, но Петербургскій кабинетъ рѣшилъ по возможности не давать на этотъ счетъ опредѣленнаго отвѣта, „пова бы точно увѣдомлено было, какую англійскій дворъ партію прійметъ“ ³⁾.

Наконецъ, была сдѣлана еще послѣдняя попытка сохранить дружбу Англіи съ Россіей. Какъ видно изъ нѣкоторыхъ документовъ Архива князя Воронцова, Англія чрезъ Уилліамса, послѣ открытія военныхъ дѣйствій въ Германіи, сдѣлала Россіи предложеніе взять на себя медіацію между воюющими державами для возстановленія мира. Конференція въ докладной запискѣ предложила отвѣтить Уилліамсу, что „императрица не ожидала такого поступка отъ англійскаго посланника, и что дальнѣйшее о медіаціи упоминаніе болѣе выслушивано не будетъ“ ⁴⁾. Въ запискѣ къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ это предложеніе называется „хитрою ухваткою къ воспричинствованію между союзниками недовѣрія“ ⁵⁾.

Такимъ образомъ, переговоры между Англіей и Россіей кончились охлажденіемъ дружбы между обѣими державами. Возстановленіе мира было возможно не такъ скоро. Сближеніе между Австріей, Франціей и Россіей, съ цѣлью по возможности уничтожить Фридриха Великаго, на долгое время повлекло Европу въ кровопролитную войну.

Россія и Австрія уже съ давнихъ поръ были союзниками противъ Пруссіи. Какъ только Австрія потеряла Силезію, Вѣнскій и Петербургскій кабинеты стали думать объ отнятій этой провинціи у Фрид-

¹⁾ Раумеръ, 406.

²⁾ Раумеръ, 451.

³⁾ Архивъ кн. Воронцова, III. 477.

⁴⁾ Тамъ же, 540.

⁵⁾ Тамъ же, 546.

риха. Въ 1746 году между обѣими державами былъ заключенъ договоръ, на основаніи котораго обѣ императрицы обѣщали помочь другъ другу въ случаѣ нападенія, сдѣланнаго на одну изъ нихъ кѣмъ бы то ни было. Въ какой мѣрѣ ожидали такого нарушенія мира со стороны Пруссіи, и какимъ образомъ противники Фридриха хотѣли воспользоваться такимъ случаемъ для „сокращенія силъ Прусскаго короля“, видно изъ четвертаго секретнаго параграфа этого договора, гдѣ прямо сказано, что „въ случаѣ войны Маріи-Терезіи или Елизаветы или Польской республики съ Пруссіей, Вѣнскій и Петербургскій дворъ вмѣстѣ объявятъ войну королю Прусскому для завоеванія въ пользу Маріи-Терезіи Силезіи и графства Гладскаго“. Саксонія не формально, но на фактѣ считалась союзницей обоихъ императорскихъ дворовъ ¹⁾).

Весьма рельефно изображено значеніе этого договора въ мнѣніи коллегіи иностранныхъ дѣлъ, читанномъ въ засѣданіи конференціи 14-го марта. Въ этомъ документѣ говорится слѣдующее: „Съ того времени, какъ удалось королю Прусскому завоеваніемъ Силезіи и послѣдовавшими потомъ счастливыми войскаъ его предиріятіями въ Богеміи и Саксоніи умножить силы свои и въ дѣлахъ инфлюенцію, не токмо сдѣлался здѣшнему двору и Вѣнскому весьма опаснымъ, но и при каждомъ по интересамъ здѣшнимъ предиріятіи заставляетъ имѣть на него оглядку и непрестанную осторожность. По сей причинѣ главный видъ здѣшней системы и союза съ Вѣнскимъ дворомъ понинѣ въ томъ только обращался, чтобы всякій случай, въ которомъ бы удобно было сократить толь опасныя короля Прусскаго силы и привести его въ прежніе умѣренности предѣлы, изъ руки не упустятъ, но общимъ союзниковъ нашихъ содѣйствованіемъ и по равному въ томъ Вѣнскаго двора интересу оными пользоваться. Въ семъ-то намѣреніи какъ при заключенномъ здѣсь въ 1746-мъ году съ Вѣнскимъ дворомъ союзномъ трактатѣ постановлено секретное обязательство, чтобы въ случаѣ нарушенія мира отъ короля Прусскаго дѣйствовать противъ него соединенными силами и стараться отобрать отъ него Силезію, такъ и всѣ въ высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества присутствіи бывшихъ совѣтахъ происходившія разсужденія всегда основаны были на признанной отъ всѣхъ необходимой надобности сократить силы короля Прусскаго ²⁾).

¹⁾ Herrmann, Gesch. d. russ. Staats, V. 130.

²⁾ Архивъ князя Воронцова, III. 368.

Какъ видно, Россія не менѣе Австріи желала дѣйствовать наступательно противъ Фридриха. Въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія существовала мысль о лишеніи Пруссіи значенія первоклассной державы. Наконецъ, Австрія и Россія приняли намѣреніе привести ее въ исполненіе.

Не только въ отношеніи къ Пруссіи Россія и Австрія имѣли одинаковые интересы, но также и въ отношеніи къ Оттоманской Портѣ. Бестужевъ говоритъ въ своемъ донесеніи объ англо-прусскомъ договорѣ, что „Вѣнскій дворъ по причинѣ Турокъ отъ здѣшней дружбы никогда отстать не можетъ“; изъ-за Турокъ, часто подстрекаемыхъ противъ Австріи Франціей, Петербургскій кабинетъ опасался сближенія между послѣдними державами, ожидая, что Вѣнскій дворъ, не имѣя болѣе повода бояться Турокъ, не останется въ столь тѣсной дружбѣ съ Россіей ¹⁾).

Изъ донесеній графа Эстергази, которыми пользовался Ранке въ своемъ сочиненіи о причинахъ Семилѣтней войны, видно, какимъ образомъ вліяніе австрійской дипломатіи дѣйствовало на Петербургскій дворъ, еще болѣе раздражая императрицу Елизавету противъ Фридриха ²⁾. Изъ бумагъ же Воронцовскаго архива явствуетъ, что Петербургскій кабинетъ и самъ по себѣ питалъ враждебныя намѣренія противъ Фридриха.

Въ грамотѣ о томъ, что императрица „всевысочайше повелѣваетъ собраннымъ въ совѣтѣ персонамъ объявить“, встрѣчается вопросъ: „Начинающаяся между Франціей и Англіей война не подастъ ли удобнаго случая приняться за исполненіе сего толико и давно желаемаго намѣренія (сокращенія силъ короля Прусскаго)? И для того не надобно ли Вѣнскому двору предложить, что буде онъ интересу своему за сходно находить и никакой опасности съ другой стороны, а именно отъ Франціи, не предвидитъ, то не хочетъ ли начать войну противъ короля Прусскаго и отыскивать потерянную Шлезію. Также же для большаго ободренія Вѣнскаго двора къ сему предпріятію... не надобно ли послу графу Эстергази предложить, колико съ здѣшней стороны къ успѣху сего предпріятія содѣйствовано будетъ, дабы тѣмъ скорѣе соглашеніе о томъ въ совершенство привести, ибо ежели что предпринимать, то надобно безъ упущенія времени“ ³⁾.

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 359 и 363.

²⁾ Ранке, 128, 129. О дѣятельности Эстергази пишетъ въ своихъ запискахъ Екатерина, 224.

³⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 378.

Объ успѣхѣ переговоровъ Русскаго двора съ графомъ Эстергази мы узнаемъ изъ разказа послѣдняго, помѣщеннаго у Ранке. 5-го апрѣля 1756 года былъ при дворѣ большой пріемъ иностранныхъ дипломатовъ. Тутъ были и Уилліамъ, и Эстергази. Послѣдній имѣлъ при этомъ случаѣ въ присутствіи Бестужева и Воронцова весьма важную бесѣду съ императрицей. Онъ сообщилъ ей о ходѣ переговоровъ между Австріей и Франціей и замѣтилъ, что послѣдняя держава, вѣроятно, откажется отъ союза съ Пруссіей и допустить завоеваніе Силезіи Австріей; къ этому онъ прибавилъ, что въ случаѣ удачнаго окончанія переговоровъ съ Франціей, и не иначе какъ именно въ этомъ случаѣ, Марія-Терезія рѣшила отнять у Фридриха Силезію; Австрія намѣрена употребить для достиженія этой цѣли всѣ свои силы и надѣется на то же самое со стороны Россіи. Императрица, весьма внимательно слѣдя за сообщеніемъ австрійскаго посланника, поручила Бестужеву отвѣчать графу Эстергази. Отвѣтъ былъ таковъ, что Австрія во всякомъ случаѣ, даже въ случаѣ неуспѣшной негодіаціи съ Франціей, можетъ разчитывать на Россію, что уже три года все приготовлено для такой цѣли, что соглашеніе съ Англіей имѣло ту же цѣль, и что нинѣшнее заключеніе союза между Англіей и непріятелемъ нисколько не измѣняетъ намѣреній императрицы. Россія, сказалъ Бестужевъ далѣе, намѣревалась предложить Маріи-Терезіи наступательный союзъ. Россія готова помочь Маріи-Терезіи не только въ надеждѣ на получаемыя изъ того выгоды, но даже и подвергая себя опасности понести ущербъ. Въ этомъ смыслѣ съ жаромъ говорилъ и Воронцовъ, повторяя тѣ самыя аргументы, которые были высказаны Австріей. Все это совѣщаніе происходило не въ формальной аудіенціи, а какъ бы случайно ¹⁾. Англійскій посланникъ Уилліамсъ, находившійся въ той же залѣ, ничего не подозрѣвалъ о происходившемъ почти на его глазахъ окончательномъ соглашеніи между Елизаветой и представителемъ Маріи-Терезіи. Для того, чтобы не дать нисколько подозрѣнія Уилліамсу, императрица тотчасъ же послѣ окончанія бесѣды съ графомъ Эстергази подошла къ англійскому посланнику съ совершенно равнодушнымъ выраженіемъ лица и начала разговаривать съ нимъ весьма любезно. Вскорѣ послѣ того было составлено Бестужевымъ, Воронцовымъ и графомъ Эстергази официальное письменное опредѣленіе по этому вопросу ²⁾.

¹⁾ Ранке, 139 и 140.

²⁾ Ранке, 139, 140. Въ это время Уилліамсъ писалъ: «Ich fürchte die österreichischen Minister richten ihre Gedanken mehr auf Wiedergewinn von Schlesien

Объ этомъ соглашеніи мы подробнѣе знаемъ изъ двухъ документовъ Архива князя Воронцова, а именно изъ грамоты „для всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества извѣстія“ и изъ „Перевода съ данной послу графу Эстергазию въ вышепомянутой конференціи записки“¹⁾).

Достоинъ вниманія то обстоятельство, что главные лица въ Петербургскомъ кабинетѣ сочли удобнымъ только отчасти сообщить государственной конференціи содержаніе этихъ документовъ, а именно, какъ связано въ припискѣ къ этимъ бумагамъ, лишь „то, что только до самаго дѣла принадлежить, а все то сокрыто будетъ, что показать можетъ, что посоль графъ Эстергази уполномоченъ уже негоцировать и здѣсь наступательный противъ короля Прусскаго союзъ, дабы въ конференціяхъ не больше извѣстно было, какъ что будто первыя къ тому предложенія отсюда учинены, и дабы тѣмъ данное отъ Ея Императорскаго Величества обнадеживаніе о храненіи въ непроницаемой тайности Эстергазиевой негоціаціи дѣйствительно исполнить. Почему и послу вновь повторительное увѣреніе дано, что его негоціація въ крайнемъ секретѣ содержана будетъ“.

Въ конференціи съ графомъ Эстергази ему была дана записка, замѣняющая формальный договоръ о нападеніи на Пруссію. Въ этой запискѣ императрица изъявляетъ готовность „весьма охотно содѣйствовать ко усмиренію Прусскаго короля“; далѣе сказано, что „обстоятельства таковы, что ни малѣйшаго отлагательства не терпятъ, когда прямое намѣреніе есть достигнуть толь давно желанное сокращеніе силъ короля Прусскаго. Обѣ договаривающіяся державы и каждая съ своей стороны учинять сильное на короля Прусскаго нападеніе и каждая къ тому употребить не меньше какъ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ регулярнаго войска“. Война будетъ продолжаться, пока не исполнится обязательство, принятое четвертымъ тайнымъ сепаратнымъ артикуломъ заключеннаго въ 1746 году трактата, „сирѣчь пока дѣйствительно Ея Величество Римская императрица-королева потеря-

---

als auf die Sicherheit ihrer Verbundeten und den Frieden von Europa. Deshalb sind sie über jeden Plan aufgebracht, der zur Ruhe führt. *Ranke* III. 320.

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, III., 384—390. У Ранке сказано, что аудіенція происходила 5-го апрѣля. Нужно полагать, что тутъ означенъ новый стиль или 25-го марта стараго стиля. На другой день, сказано у Ранке далѣе, происходила конференція между Эстергази, Бестужевымъ и Воронцовымъ, значить, 26-го марта. Изъ документовъ Воронцовскаго архива однако видно, что эта конференція происходила 9-го апрѣля.

ные королю Прусскому во время послѣдней войны Шлезію и Гляцъ паки приобрѣтеть, и пока напротиву того Ея Императорское Величество Всероссийская завоеуетъ всю королевскую Пруссію. Но понеже Ея Императорское Величество Всероссийская сію землю за собою удержатъ не хочетъ и не намѣрена, а напротиву того обязуется возвратить оную и присоединить республикѣ Польской, то предыдущій артикулъ и до того распространиться имѣеть, что оружіе не прежде покидать, какъ когда королевская Пруссія Польшѣ дѣйствительно присоединена будетъ, а Ея Императорское Величество Всероссийская во взаимство того получить княжество Курляндское и Семигальское, и такое съ польской стороны границъ окруженіе, которымъ бы продолжающіяся объ нихъ донинѣ несогласія пресѣчены быть могли. Когда война дѣйствительно начнется, то объ содоговаривающіяся стороны будутъ приглашать Швецію и Саксонію приступить къ сему наступательному союзу, и для того представлять первой завоеваніе и присвоеніе Помераніи, а второй городъ Магдебургъ съ принадлежащими къ нему дистриктами“. Эти мнѣнія должны были служить основаніемъ заключаемому наступательному союзу. Въ заключеніе были сообщены графу Эстергази подробныя данныя о количествѣ и мѣстопребываніи войскъ, находившихся въ распоряженіи Россіи для нападенія на Пруссію. Между этими войсками главную цифру (73,132 человекъ) составлялъ „контингентъ изъ 28 полковъ пѣхоты около Риги, въ Курляндіи и по Двинѣ“, а затѣмъ еще было сказано, что „флотъ такъ вооруженъ будетъ, что не токмо галеры прикрывать и Прусскіе берега обезпечивать, но и крѣпости бомбардировать и блокировать могутъ“.

Эстергази былъ очень доволенъ этою запиской и замѣтилъ, что хотя въ ней и нѣтъ прямого плана военныхъ операцій, но расположеніе войскъ такъ умно сдѣлано, что многіе планы могутъ быть приведены въ исполненіе. Кромѣ того, графу Эстергази было объявлено, что „Россія склонна приступить къ негоцируемому союзному трактату съ Франціей, „когда приглашеніе учинено будетъ“, и что для этой цѣли ко всѣмъ русскимъ при другихъ дворахъ находящимся министрамъ будутъ отправлены циркулярныя предписанія, чтобъ они съ французскими министрами ласковѣ обращались. Графъ Эстергази замѣтилъ, что будущая война съ Пруссіей не будетъ опасною для Россіи, потому что Фридрихъ долженъ будетъ оставить большую часть своихъ войскъ въ Силезіи, „наибольшая часть жителей которой, буде не всѣ генерально, съ радостію приходу австрійскихъ войскъ ожи-

даеть, дабы наконецъ несноснаго имъ прусскаго правленія и налоговъ избавиться“¹⁾).

О намѣреніяхъ русскаго двора въ это время мы знаемъ еще изъ другого документа, а именно изъ „всеподданнѣйшаго доклада, на которомъ императрица 30-го марта написала: „Быть по сему“, и въ которомъ излагается программа Петербургскаго кабинета въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) самымъ дѣломъ приняться за сокращеніе силъ короля Прусскаго; 2) въ случаѣ, что Вѣнскій дворъ отъ участія въ такой войнѣ уклонился бы, опасаясь, чтобы Франція ему диверзій не сдѣлала, нужно 3) приласкать Францію, чтобы она спокойно смотрѣла на сокращеніе короля Прусскаго и Вѣнскому двору не препятствовала, 4) Польшу приуготовлять, чтобы она проходу здѣшнихъ войскъ для атакванія Пруссіи не препятствовала; 5) стараться Турокъ и Шведовъ содержать въ тишинѣ; все это имѣетъ цѣлю, „ослаби Прусскаго короля, сдѣлать его для здѣшней стороны нестрашнымъ и незаботнымъ; усилить Вѣнскій дворъ возвращеніемъ Силезіи; сдѣлать союзъ съ Австріей противъ Турокъ болѣе важнымъ и дѣйствительнымъ; одолжить Польшу доставленіемъ ей королевской Пруссіи и во взаимство получить отъ нея Курляндію и окруженіе съ польской стороны, которымъ бы не только нынѣшнія безпрестанныя объ нихъ хлопоты и безпокойства пресѣялись, но можетъ быть и способъ достался бы комерцію Балтійскаго моря съ Чернымъ соединить и чрезъ то почти всю Левантскую комерцію въ здѣшнихъ рукахъ имѣть“. Затѣмъ, докладъ предлагаетъ привести войско въ надлежащее состояніе для того, „чтобы не токмо въ случаѣ соимашенія Вѣнскаго двора на войну противъ короля Прусскаго, тотчасъ его атаковать можно было, но чтобы здѣшняя готовность Вѣнскому двору на сіе предпріятіе и ободреніемъ служила; и для того росписаніе о томъ и опредѣленіе не только сдѣлать, но по наступленіи весны и въ дѣйство произвести“²⁾).

Какъ видно, Россія спѣшила приведеніемъ въ исполненіе своего плана. Въ конференціяхъ 4-го и 6-го апрѣля были сдѣланы распоряженія о приготовленіи войска и флота къ походу³⁾. Въ Австріи, напротивъ того, не считали возможнымъ такъ скоро приступить къ этому дѣлу, какъ видно изъ письма князя Кауница къ графу Эстергази,

¹⁾ Этотъ документъ уже въ извлеченіи помѣщенъ у *Шефера* 159 изъ «Neue Actenstücke. 1841.

²⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 379—381.

³⁾ См. подробности въ Архивѣ князя Воронцова, III, 397—415.

которое читалось въ конференціи въ Петербургѣ 4-го іюня, и содержаніе котораго намъ подробнѣе извѣстно изъ сочиненія Шефера, заимствовавшаго и этотъ документъ изъ изданія 1841 года: „Neue Actenstücke über die Veranlassung des Siebenjährigen Krieges“. Въ этой инструкціи Кауницъ изъясняетъ готовность Австріи привести въ исполненіе „великую идею“, но говоритъ, что все должно будетъ зависѣть отъ образа мыслей французскаго кабинета. Впрочемъ, даже при удачномъ исходѣ переговоровъ съ Франціей, послѣдніе могутъ продолжаться еще нѣсколько мѣсяцевъ, такъ что начало военныхъ дѣйствій будетъ возможно не ранѣе какъ весной 1757 года. Между тѣмъ, по мнѣнію Кауница, слѣдовало бы стараться всевозможными способами „скрывать игру“, препятствовать всякому подозрѣнію со стороны Англіи и Пруссіи и сохранять намѣреніе союзниковъ въ совершенной тайнѣ; при уваженіи Англіи и Пруссіи въ Россіи, это легко будетъ возможно ¹⁾).

Графъ Эстергази обратилъ вниманіе своего двора на недостаточность приготовленій Россіи къ войнѣ, и особенно на то обстоятельство, что Россія не имѣла особенно замѣчательныхъ полководцевъ ²⁾). Тѣмъ болѣе повода имѣлъ Вѣнскій кабинетъ сдерживать стремленіе Петербургскаго кабинета къ началію войны. Въ Петербургѣ однако этимъ были недовольны, и Елисавета въ той самой конференціи, въ которой читалась копія инструкціи князя Кауница къ графу Эстергази, рѣшила: „Вѣнскій дворъ чрезъ посла графа Эстергази пристойнымъ образомъ побуждать, чтобъ онъ скорѣе и дѣйствительно вступилъ въ предложенныя съ ихъ и здѣшной стороны виды о согласномъ атакованіи короля Прусскаго; ибо легко случится можетъ, что Франція съ Англіей примиреніе свое сдѣлаетъ, и такимъ образомъ весь случай, да можетъ - быть и навсегда, отнимется желанное сокращеніе силъ короля Прусскаго достигнуть. Также Вѣнскому двору дать знать, что хотя Ея Императорское Величество изъ усердія къ общему дѣлу и въ угодность желаніямъ императрицы-королевы повелѣла на время остановить здѣшнія великія военныя движенія, однакоже напротивъ того, не смотря на учиненное о войскахъ новое расположеніе, они въ такомъ состояніи находятся и находятся будутъ, что въ весьма маломъ времени нѣчто дѣйствительное и важное сперва стоящими дѣйствительно въ близости къ границамъ войсками пред-

¹⁾ Schäfer, I. 160.

²⁾ Ranke, 178.

пріято, а потомъ тотчасъ оныя другими подрѣплены и усилены быть могутъ, ежели Вѣнскаго дворъ съ своей стороны что-либо предпріять готовъ и въ возможности будетъ“¹⁾).

Вскорѣ затѣмъ Фридрихъ, пользуясь несогласіемъ своихъ противниковъ, сдѣлалъ нападеніе на Саксонію²⁾. Для него именно въ этомъ несогласіи между Россіей и Австріей относительно срока осуществленія „великихъ идей“ заключалось спасеніе.

Когда послѣ битвы при Ловозитѣ австрійскій посланникъ въ Петербургѣ жаловался на медленность движеній Русскихъ, Бестужевъ въ негодованіи сказалъ англійскому посланнику Уилліамсу: „Вмѣсто того, чтобы жаловаться на русскихъ министровъ, австрійскимъ министромъ слѣдовало бы подумать о томъ, что я могу заставить ихъ сознаться, что они сами виноваты, что уже два мѣсяца тому назадъ 40.000 человекъ Русскихъ не было отправлено въ Саксонію“. Уилліамсъ просилъ Бестужева объяснить подробнѣе положеніе дѣлъ, и послѣдній сообщилъ ему слѣдующее: Въ іюнѣ мѣсяцѣ саксонскій посланникъ при русскомъ дворѣ объявилъ, что Прусскій король намѣревается напасть на Саксонію, и что поэтому Саксонія проситъ 12.000 человекъ вспомогательныхъ войскъ. Тогда въ Россіи тотчасъ же рѣшили отправить немедленно не 12.000, а 40.000 человекъ, но графъ Эстергази, послѣ того какъ надлежащее распоряженіе было уже подписано императрицей Елизаветой, остановилъ отправленіе русскаго войска въ Саксонію, и вице-канцлеръ Воронцовъ поддерживалъ въ этомъ отношеніи австрійскаго посланника столь энергично, что планъ отправленія войска остался исполненнымъ³⁾.

Что дѣйствительно Австрія желала отсрочить нападеніе на Фридриха, видно изъ „секретнѣйшаго“ рескрипта императрицы Елизаветы въ коллегію иностранныхъ дѣлъ отъ 26-го августа, въ которомъ было рѣшено объявить графу Эстергази между прочимъ слѣдующее: „Что Ея Императорское Величество весьма входитъ изволить въ тѣ уваженія, для которыхъ Ея Величество императрица-королева не могла ранѣе учинить такихъ великихъ военныхъ приготовленій, способомъ бы которыхъ лучше короля Прусскаго предупредить можно было, нежели бы теперь предупрежденія съ его стороны опасаться надлежало... Умѣренность съ такимъ государемъ, который самъ ея ни въ чемъ

¹⁾ Архивъ князя Воронцова. III, 426. Въ Пруссіи думали, что Россія не была готова къ походу; см. *Раумера*, 372.

²⁾ *Schäfer*, I. 181.

³⁾ *Раумеръ*, II. 406.

не имѣеть, видится, была чрезмѣрна... Еслибъ же Ея Императорское Величество... не была удержана желаніемъ поступать во всемъ какъ можно согласно и единодушно съ Ея Величествомъ императрицею-королевою, то плоды того вѣнечко уже награждали бы чаемъ нынѣ отъ сказанной умѣренности выгоды; ибо король Прусскій конечно не поступилъ бы на такія нестерпимыя угрозы, какія Клингрефомъ (прусскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ) письменно сдѣланы, наименьше же было бы дѣйствительное теперь его нападеніе опасасемо, а по меньшей мѣрѣ была бы теперь здѣшняя многочисленная армія въ собраніи и готовности по первому его движенію такъ-сказать, по лямтѣ за нимъ слѣдовать; Саксонія не была бы въ такой заботѣ, какъ нынѣ, и по меньшей мѣрѣ знала бы она чего держаться, и знали бы оба императорскіе двора, чего отъ нея ожидать надобно. Но какъ простое сожалѣніе о прѣшедшемъ ничего не поправляетъ, то... теперь уже дѣло въ томъ состоитъ, чтобы сію опасность не отратить, а уменьшить, и слѣдствія ея не только не вредными, но паче; сколько можно, полезными сдѣлать" и пр. ¹⁾.

Итакъ, изъ всего сказаннаго по отношенію въ образу дѣйствій Австріи и Россіи видно, что, съ одной стороны, эти державы намѣревались сдѣлать нападеніе на Пруссію съ цѣлью лишить Фридриха Великаго значенія первокласснаго государя, и что, съ другой стороны, Прусскій король хотя и не имѣлъ точныхъ свѣдѣній объ этомъ намѣреніи, но зналъ достаточно, чтобы одѣлать опасность отъ положенія Пруссіи; отсюда понятно, какъ было необходимо ему принять энергическія и быстрыя мѣры для предупрежденія Россіи и Австріи. Наконецъ, изъ сообщенныхъ нами данныхъ видно еще, что Россія болѣе чѣмъ Австрія желала наступательнаго движенія противъ Фридриха, жила въ виду достигнуть такимъ способомъ присоединенія Курляндіи и еще нѣкоторыхъ частей Польши въ Россію. Австрія же медлила, откладывая нападеніе на Фридриха до весны 1757 года. Это отсутствіе совершеннаго согласія между императорскими дворами главнымъ образомъ содѣйствовало спасенію Фридриха Великаго.

Сближеніе между Россіей и Франціей произошло немногимъ позже соглашенія между Россіей и Австріей, а именно во второй половинѣ 1756 года.

Франція была въ союзѣ съ Фридрихомъ Великимъ въ первое время

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, III. 441—442.

царствования этого государя. Тѣмъ болѣе извѣстіе о заключенномъ между Англійей и Пруссіей договорѣ озадачило французское правительство. Франція, постоянно враждовавшая съ Англійей, должна была искать себѣ другихъ союзниковъ на континентѣ. Авторъ, сочиненія „Die Geheimnisse des sächsischen Cabinets“ довольно справедливо называетъ заключенный 1-го мая 1756 года между Австріей и Франціей договоръ прямымъ слѣдствіемъ Лондонскаго трактата между Пруссіей и Англійей ¹⁾).

Любопытно однако, что о переговорахъ между Австріей и Пруссіей въ Петербургѣ сначала знали весьма немного, и что русское правительство сперва было нѣсколько недовольно такимъ сближеніемъ между Вѣнскимъ и Версальскимъ кабинетами. 3-го марта 1756 года императрица Елизавета поручила коллегіи иностранныхъ дѣлъ составить мнѣніе о томъ, что Россія слѣдуетъ дѣлать въ случаѣ сближенія между Австріей и Франціей, такъ какъ, „по публичнымъ вѣдомостямъ разглашается, якобы Вѣнскій дворъ съ Франціей нѣкоторыя потаенныя соглашенія чинить“ ²⁾. Бестужевъ не желалъ сближенія между Россіей и Франціей. Въ мнѣніи, поданномъ императрицѣ 4-го марта, онъ выразилъ свое убѣжденіе, что Вѣнскій дворъ, не смотря на „огорченіе его противъ Англій, отъ всякой отягченной революціи себя воздержитъ и не дастъ себя Франціи въ обманъ, которая, можетъ-быть, только раздѣленія между здѣшними союзниками ищетъ“. По мнѣнію Бестужева, Россія отнюдь не могла желать союза между Франціей и Австріей, ибо тогда „наипаче опасаться надлежитъ, что Вѣнскій дворъ, не опасаясь болѣе французскихъ при Оттоманской Портѣ подущеній, наче же полагался на ея содѣйствованіе, о союзѣ съ нами меньше рачить будетъ; такъ что изъ всего того легко произойти можетъ, что здѣшняя имперія безъ друзей и безъ союзниковъ и буде не въ опасности, то однако же въ меньшемъ почтеніи и отъ всякой въ европейскіе дѣлахъ инфлюенціи исключенною найдется“. Напротивъ того, коллегія иностранныхъ дѣлъ гораздо хладнокровнѣе смотрѣла на возможность союза между Австріей и Франціей и замѣтила, въ своемъ докладѣ императрицѣ, что пока нужно ожидать подтвержденія слуховъ о соглашеніи Вѣнскаго двора съ Франціей, но что такое соглашеніе можетъ считаться невѣроятнымъ. „Между тѣмъ“, продолжаетъ докладъ коллегіи, „раз-

¹⁾ *Geheimnisse* I, 291.

²⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 356.

суждается, что еслибъ и дѣйствительно возмогъ Вѣнскій дворъ подружиться съ Франціей и склонить ее къ способствованію въ отобраніи у короля Прусскаго Силезіи, о семъ однакоже съ здѣшной стороны тревожиться не надлежитъ. Ибо всегда интересу здѣшнему сходно будетъ, чтобы Силезія по прежнему возвратилась къ Аустрійскому дому, какимъ бы способомъ ему въ томъ предупѣть ни удалось, лишь бы только король Прусскій тѣмъ обезсиленъ былъ¹⁾.

Между тѣмъ во второй половинѣ марта мѣсяца императрица Елизавета прямо отъ графа Эстергази узнала о переговорахъ между кабинетами Вѣнскимъ и Парижскимъ²⁾. Вслѣдствіе того было сообщено официально австрійскому посланнику, что если Вѣнскій дворъ изъявитъ желаніе, чтобы императрица приступила къ негоцируемому съ Франціей трактату, то „Ея Императорское Величество къ сему приступленію склонна быть изволить“. Затѣмъ были отправлены циркулярные указы ко всѣмъ русскимъ дипломатамъ, находившимся за границею, „дабы они съ французскими ласковѣ прежняго обходились“³⁾.

Въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ французскій дипломатическій агентъ, кавалеръ Дугласъ. Уже во время прежняго своего пребыванія въ Петербургѣ Дугласъ не пользовался расположеніемъ Бестужева. Теперь же послѣдній изъ одного периллюстрированнаго французскаго письма узналъ, что Дугласу было поручено имѣть дѣло не столько съ Бестужевымъ, сколько съ Воронцовымъ. Въ противовѣсъ Бестужеву, не желавшему сближенія Россіи съ Франціей, графъ Эстергази вмѣстѣ съ Дугласомъ старался дѣйствовать на Воронцова, Олсуфьева и Шуваловыхъ и расположить ихъ къ союзу съ Версальскимъ дворомъ.

Объ этихъ двухъ партіяхъ при Петербургскомъ дворѣ говорится не разъ въ письмахъ Уилліамса. Бестужевъ въ бесѣдѣ съ послѣднимъ замѣтилъ, что къ несчастію, такъ какъ И. И. Шуваловъ умѣетъ говорить по французски, любитъ Французовъ и французскія моды, онъ то съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прибытія въ Петербургъ французскаго посольства. Равнымъ образомъ и великая княгиня Екатерина жаловалась Уилліамсу на сильное вліяніе Шувалова, желавшаго сближенія съ Франціей⁴⁾. Въ своихъ запискахъ она замѣчаетъ: „Шуваловы, въ особенности Иванъ Ивановичъ, любили Францію и все французское до безумія; они въ

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 359, 363, 372.

²⁾ *Ranke*, 189.

³⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 385.

⁴⁾ *Raumer*, Beiträge. II, 346 и 347.

этомъ были поддерживаемы вице-канцлеромъ Воронцовымъ, для котораго Людовикъ XV за это только что велѣлъ отстроить дворецъ въ Петербургѣ. Этотъ домъ былъ украшенъ старою мебелью, которая когда-то принадлежала маркизѣ Помпадуръ, продавшей эту мебель королю. Вице-канцлеръ еще по другому соображенію былъ сторонникомъ Франціи: онъ желалъ ослабить вліяніе своего соперника графа Бестужева и предоставить мѣсто послѣдняго Петру Шувалову. Онъ мечталъ о томъ, чтобы забрать въ свои руки табачную монополію и продавать затѣмъ табакъ во Францію¹⁾.

Дугласъ долженъ былъ воспользоваться этимъ соперничествомъ между Воронцовымъ и Бестужевымъ. Въ письмѣ неизвѣстнаго лица къ Дугласу отъ 11-го мая 1756 года, найденномъ въ архивѣ князя Воронцова, прямо сказано, что Дугласъ въ Петербургѣ долженъ будетъ бороться противъ Бестужева и Уилліамса, но что онъ можетъ разчитывать на расположеніе императрицы и Воронцова²⁾.

Документы, напечатанные въ III-мъ томѣ Воронцовскаго архива, и относящіеся къ пребыванію Дугласа въ Петербургѣ, заключаютъ въ себѣ данныя почти исключительно о первыхъ шагахъ негоціаціи между Дугласомъ и русскимъ правительствомъ. 12-го апрѣля Дугласъ пріѣхалъ къ вице-канцлеру и сообщилъ ему о склонности Французскаго короля къ возобновленію дружбы и корреспонденціи между обоими дворами. Такъ какъ Дугласъ не имѣлъ официальнаго характера французскаго дипломатическаго агента, то вице-канцлеръ замѣтилъ ему, что онъ недостаточно аккредитованъ, и что поэтому онъ, вице-канцлеръ, не можетъ сказать ему ничего положительнаго. Далѣе Дугласъ въ бесѣдѣ съ Воронцовымъ „распространился о худой вѣрѣ

¹⁾ Mémoires der Kaiserin Katharina, 236. О старшинѣ Дугласа покупатъ въ-которыхъ лицъ при русскомъ дворѣ говорится въ письмѣ Уилліамса, напечатанномъ у Раумера. II, 349.

²⁾ Можно считать вѣроятнымъ, что авторомъ этого письма, напечатаннаго въ III томѣ Архива князя Воронцова, стр. 378—581, былъ или министръ иностранныхъ дѣлъ Руале, или принцъ Кентъ. Въ немъ между прочимъ сказано: «Cet empressement de m-r de Worontzow ne permet pas de croire que la mauvaise volonté du chev. Williams secondé de m-r de Bestoucheff puisse vous nuire... En ne vous donnant que comme voyageur, on ne peut vous rien dire; d'autant plus que m-r de Worontzow rendra compte à l'Impératrice du sujet de votre mission, vous serez sous la protection immédiate de cette princesse. M-r de Bestoucheff et m-r Williams vout regarderont de mauvais oeil, mais la politesse, que vous recevrez de m-r de Worontzow et la distinction qu'il vous marquera, vous procureront de la part de courisans des agréments, qui vous dédommageront de la façon de penser de m-r Bestoucheff et du ministre d'Angleterre».

короля Прусскаго, и что Франція никакой повѣренности къ нему болѣе не имѣеть, и весьма преогорченъ трактатомъ между королями Англійскимъ и Прусскимъ, и что со временемъ не оставятъ дать почувствовать это Прусскому королю". Къ этому Дугласъ прибавилъ, что между Франціей и Австріей есть „доброе согласіе“, и что между этими дворами „производятся нѣкоторыя соглашенія“. 28-го апрѣля Дугласъ опять пріѣхалъ къ Воронцову и сообщилъ ему, что нѣкоторыя письма къ нему, объ отправленіи которыхъ изъ Франціи онъ узналъ, имѣ не были получены, и что „онъ думаетъ, что оныя письма въ земляхъ короля Прусскаго перехвачены“. 6-го мая Дугласъ сообщилъ Воронцову шифрованное письмо къ нему министра иностранныхъ дѣлъ во Франціи Рулье, въ которомъ послѣдній писалъ о слухѣ „яко бы певичалье Виліамъ старается склонить російскій дворъ, чтобы войсками не токмо учинить десанты во Франціи, но и Сѣвернымъ моремъ изъ Скотландіи (скрывая тѣмъ ихъ путь отъ Французовъ) провести ихъ въ Америку, гдѣ ласкаетъ ихъ будто новымъ поселеніемъ“. Далѣе Рулье писалъ, что Дугласъ только адресованъ къ Воронцову, и „кромѣ оной особы, не долженъ оказывать, что онъ по указу королевскому дѣйствуетъ“¹⁾.

Дѣйствительно, Дугласъ старался соблюдать нѣкоторое инкогнито. Когда австрійскій посланникъ спросилъ его однажды, съ какою цѣлью онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, Дугласъ отвѣтилъ, что онъ рѣшился предпринять эту поѣздку по совѣту врачей, чтобы воспользоваться для исправленія своего здоровья холоднымъ климатомъ²⁾. Каковы были первыя соглашенія Воронцова съ Дугласомъ, намъ не извѣстно. Мы знаемъ только, что вице-канцлеръ 7-го мая сообщилъ французскому агенту отвѣтъ на предложенія, сдѣланныя послѣднимъ, и что Дугласъ этимъ отвѣтомъ былъ очень доволенъ³⁾.

Впрочемъ, дѣятельность Дугласа не могла быть особенно успѣшною, потому что онъ не пользовался особеннымъ расположеніемъ тѣхъ лицъ, которыя управляли дипломатіей во Франціи. Бехтѣвъ пишетъ на этотъ счетъ 6-го октября 1756 г. слѣдующее: „Удивительно, что г. Дугласъ сухія письма отъ министра получаетъ; онъ не прямо отъ него избранъ, какъ я отчасти уже доносилъ; тѣ, которые ему добродѣтели и въ послѣдствіи къ намъ представили, суть старой системы, и по ихъ высокому чину и достоинству, также здѣшной по-

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 415—420.

²⁾ *Voyage*, Weitzge, II, 297.

³⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 421.

литикѣ, никогда великаго участія и силы въ дѣлахъ не имѣють. Напрасно г. Дугласъ себя ласкаетъ лучшимъ признаніемъ отъ г. Берниса, понеже онъ съ г. Руде сильно друженъ и оба слѣдуютъ одной системѣ, то-есть, новой, которой авторъ аббатъ Бернисъ¹⁾. Можно полагать, что къ доброжелателямъ Дугласа принадлежалъ принцъ Конті, который чрезъ него между прочимъ послалъ въ подарокъ супругѣ вице-канцлера три вѣера и вообще состоялъ съ Дугласомъ въ перепискѣ²⁾. Конті же, самъ желавшій отправиться въ Россію, какъ видно изъ его письма къ Дугласу отъ 12-го августа, не имѣлъ особеннаго вліянія при французскомъ дворѣ. Въ началѣ 1757 года Бехтѣвъ писалъ, что въ Парижѣ „на Дугласа жестоко негодуютъ“. Его считали подкупленнымъ русскимъ дворомъ³⁾ и не одобряли его чрезмѣрныхъ издержекъ въ Петербургѣ⁴⁾. Впрочемъ не ранѣе какъ лѣтомъ 1757 года въ Петербургъ пріѣхалъ настоящій французскій посланникъ Лопиталь, и тѣмъ самымъ кончилась дипломатическая дѣятельность Дугласа.

Мы видѣли, что въ Россіи съ большимъ вниманіемъ слѣдили за переговорами между Австріей и Франціей, которые довели къ заключенію союзнаго договора 1-го мая 1756 года. Хотя этотъ союзъ носилъ официальное названіе „оборонительнаго“, онъ въ сущности былъ наступательнымъ. Такъ называетъ его историкъ французской дипломатіи⁵⁾; такъ даже Онно Клоппъ смотритъ на этотъ договоръ послѣ

¹⁾ Тамъ же, III, 208.

²⁾ Рукою графа Воронцова къ письму Конті прибавлены нѣкоторыя замѣчанія. Тамъ, напротивъ, по поводу изверговъ сказано: «Дугласъ дѣйствительно оными три епакала нѣ представлялъ, токмо оныя не приняты и ниже любознѣтства не оказано ихъ посмотрѣть, въ чемъ Дугласъ оказалъ немалое сожалѣніе». Архивъ князя Воронцова, III. 573.

³⁾ Архивъ князя Воронцова. III, 208, 240,—242. Приписка графа Воронцова къ письму Бехтѣва.

⁴⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 250. На стр. 274. Бехтѣвъ пишетъ: «Г. Дугласъ держался милостію вашею; потерявъ оную, не знаю что онъ будетъ здѣсь, по возвращеніи своемъ. Еслибъ я въ его мѣстѣ былъ, то бъ я всядчески старался тамъ остаться».

⁵⁾ См. *Flassan*, Hist. de la dipl. française, IV стр. 48. Письмо Штаремберга къ маркизу Помпадуръ «que, d'ailleurs, l'objet de l'alliance était en partie l'affaiblissement du roi de Prusse... que le roi de Prusse serait puni, à frais communs de ses traités clandestins». Бернисъ желалъ сохранить этотъ договоръ въ тайнѣ, «persuadé que le roi de Prusse ne doutant point que l'offense ne suivit bientôt le défensif, se prévaudrait de sa situation pour attaquer et prévenir l'impératrice». Впрочемъ, Флассанъ считаетъ ошибкою со стороны Франціи наступательныя дѣйствія противъ Фридриха.

того, какъ онъ имѣлъ случай въ Вѣнскомъ архивѣ просмотрѣть депешу австрійскаго посланника въ Парижѣ; графа Штаремберга¹⁾). Россія, желавшая во что бы то ни стало „сокращенія силъ Прусскаго короля“, могла быть весьма довольна этимъ договоромъ и тотчасъ же изъявила готовность вступить въ переговоры съ Франціей. Поэтому уже въ началѣ мая въ Петербургѣ были приняты мѣры для отправленія Бехтѣева въ Парижъ. Онъ долженъ былъ заявить въ Парижѣ, что „отправленъ графомъ Воронцовымъ по высочайшему соизволенію императрицы и къ министру Руде прямо адресованъ, дабы чрезъ него король извѣстилъ быль о сантиментахъ и склонностяхъ здѣшняго двора къ восстановленію дружбы и корреспонденціи“. Особенно острожно Бехтѣевъ долженъ былъ говорить въ Парижѣ объ отношеніяхъ Россіи къ Англіи; онъ могъ лишь сказать, что заключенный между Пруссіей и Англіей трактатъ „не малое удивленіе причинилъ и что о томъ нѣкоторые изъясненія съ англійскимъ дворомъ чинятся“²⁾). Затѣмъ ему было поручено „поддерживать негодіацію графа Старемберга и Франціи на короля Прусскаго огорчать и подвигать и къ тому склонять, чтобы, она съ своей стороны, прусскимъ при Портѣ интригамъ противилась, и тѣмъ первый и существительный опытъ показала, какъ истинно она желаетъ въ тѣсномъ и непоколебимомъ съ обоими императорскими дворами согласіи пребывать“. Бехтѣевъ долженъ былъ доказывать французскому министерству необходимость нападенія на Фридриха и прибавить, „что Его Величество король Французскій сулудбой интересъ имѣетъ учинить въ томъ общее дѣло съ обоими императорскими дворами, дабы отмстить справедливо вѣроломство короля Прусскаго и оказуемое имъ къ представленіямъ французскаго двора презрѣніе и дабы утвердить заключенный съ Вѣнскимъ дворомъ союзъ и положить основаніе къ дальнѣйшему и ближайшему съ обоими императорскими дворами соединенію“. Бехтѣевъ долженъ былъ обратитъ вниманіе французскаго министерства на готовность Фридриха „потерять совсѣмъ дружбу Французскаго короля и на мѣсто ея приобрести турецкую; въ чемъ Англія ему конечно вспомогать не оставитъ... Самая честь и достоинство французскаго двора требуютъ, дабы король Прусскому показать, что потеряніе французской дружбы не такъ для него индифферентно, какъ онъ то презрительно считать является“ и пр.³⁾).

¹⁾ 2-е изданіе его книги о Фридрихѣ II, стр. 240.

²⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 422 и 423.

³⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 444 и 450.

Бехтѣевъ пріѣхалъ въ Парижъ въ первый числа іюля мѣсяца и тотчасъ же вступилъ въ переговоры съ старш-секретаремъ Рулье о деклараціи, въ которой была выражена готовность французскаго правительства возобновить правильныя дипломатическія сношенія съ Петербургскимъ кабинетомъ. Русское правительство желало, чтобы французскій и русскій посланники были назначены въ одинъ день ¹⁾. Время объявленія пословъ, въ бесѣдѣ Бехтѣева съ Рулье, предварителью было постановлено 4-го сентября, а прибытіе ихъ въ свои мѣста въ январѣ 1757 года. Французскимъ посломъ былъ назначенъ маркизъ Лопиталь; немногимъ позже Рулье объявилъ, что французскій посланникъ можетъ пріѣхать въ Петербургъ не ранее марта 1757 года, что послу не возможно въ пять мѣсяцевъ собраться и пріѣхать, что король желаетъ это дѣло окончить съ достоинствомъ и честью и не хочетъ, чтобы при первомъ случаѣ посоль его, прискакавъ по почтѣ, явился „comme un roisnon“. Бехтѣева просили отсрочить пріѣздъ пословъ хотя бы до половины февраля ²⁾.

Принцъ Конти, желавшій оказать Бехтѣеву особенное покровительство, старался уговорить русскаго уполномоченнаго дѣйствовать не чрезъ Рулье, а чрезъ него, Конти. Напротивъ того, Бехтѣевъ, адресованный къ Рулье, не желалъ пользоваться протекціей принца и въ этомъ отношеніи поступалъ благоразумно, потому что Конти не ладилъ съ маркизою Помпадуръ, которая могла считаться средоточіемъ французскаго правительства. Присутствуя „au grand lever du roi“, Бехтѣевъ былъ представленъ королю Людовику XV, который впрочемъ довольствовался вопросомъ о здоровьѣ императрицы Елизаветы ³⁾.

Довольно ловко Бехтѣевъ старался разузнать о настроеніи умовъ въ Парижѣ. Онъ пишетъ между прочимъ отъ 26-го іюля: „Трактатъ съ Вѣнскимъ дворомъ здѣсь за весьма велико почитается и оному ради. Графа Старенберга весьма ласково принимаютъ... Королевъ Прусскій весьма недоволенъ. Г. Рулье не обинуясь говоритъ, что онъ ихъ обманулъ, такъ какъ насъ Англія“. Напротивъ того, другія высказанные лица при французскомъ дворѣ не были разболорены въ пользу Австріи. „Принцъ Конти“, пишетъ Бехтѣевъ, „довольно ясно отовался, что трактатъ съ Вѣнскимъ дворомъ ему не нравится, и что онъ только пріятель г. Рулье, который думаетъ, что великие

¹⁾ Тамъ же, 426.

²⁾ Тамъ же, 156.

³⁾ Тамъ же, 163.

дѣло сдѣлать". 11-го августа Бехтѣевъ пишетъ: „По всему кажется, сумнѣнія нѣтъ, что здѣшній дворъ Прусскимъ королемъ весьма огорченъ.... Напротивъ того, принцъ Бонте, а можетъ-быть, съ нимъ и другіе, болѣе, кажется, склонны къ содержанію союза съ королемъ Прусскимъ; однако обѣ стороны, хотя въ разныхъ намѣреніяхъ, стараются насъ къ себѣ привлечь“. 24-го сентября: „Не взирая на общее неудовольствіе противъ Прусскаго короля, есть еще между знатыми вой въ пользу сего государя отзываются, наипаче потому, что начинающейся на сухомъ пути войнѣ не ради; они силъ при дворѣ не имѣютъ, а все министерство и вой у дѣлъ ему противны. Главными между ними аббатъ Бернхель и маршалъ Велиль“.

Бехтѣева интересовали подробности французско-австрійскаго договора, а болѣе всего вопросъ о Нидерландахъ. Отъ 3-го августа онъ пишетъ: „Когда я у графа Старенберга спросилъ, что у насъ слышно было, дабы они Франціи уступить хотѣли часть Нидерландовъ, то онъ мнѣ на то елики словами отвѣтствовалъ: что здѣшній дворъ надобно понемногу издали приманивать, не оказывая великаго желанія, потому онъ самъ склонится; что, при нѣмѣшнихъ обстоятельствахъ они Нидерландовъ отъ Франціи защищать были бы не въ состояніи, а Силезскія земли имъ нужны; что, видя соединеніе Англіи съ Прусскимъ королемъ, приняли они намѣреніе заключить трактатъ съ здѣшнимъ дворомъ и желаютъ, чтобы Россія къ оному приступила, и тѣмъ сіи три державы соединить“.

Россія однако не такъ скоро рѣшалась присоединиться къ союзу между Франціей и Австріей. Франція на этотъ счетъ сильно беспокоилась. 19-го августа Бехтѣевъ пишетъ: „Новѣдѣніе о нашихъ намѣреніяхъ касательно извѣстной съ Англичанами конвенціи и въ разсужденіи Пруссіи пребезпѣрно ихъ беспокоитъ. Рулье и Старенбергъ у меня при всякомъ свиданіи и прилежно о томъ навѣдываются“. 18-го сентября: „Г. Рулье мнѣ сказалъ, что все зависитъ теперь отъ революціи, какову Ея Императорское Величество въ разсужденіи нѣмѣшнихъ обстоятельствъ принять изволитъ, и которой они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ“. 21-го ноября: „Здѣсь ради бы были; еслибы и король Прусскій первый чрезъ Польшу въ Вурландію вступилъ; могу увѣрить, что здѣсь отъ часу больше огорчены поступкомъ сего государя; онъ имъ имѣетъ виновую въ сердцѣ, и если смѣетъ оказать, то французскій дворъ больше нежели мы опасается, чтобы онъ насъ не уласкалъ“¹⁾.

¹⁾ Тамъ же, 162, 181, 205 и пр.

Самъ Бектѣевъ былъ въ пользу войны и не разъ писалъ, что „теперь наиболѣзливѣйшій случай сократить короля Прусскаго“. Онъ желалъ, чтобы Россія воспользовалась обстоятельствами для расширенія своихъ предѣловъ, но въ то же время писалъ; что во Франціи сильно опасались, что „Россія ищетъ распространенія своихъ областей“. Онъ постоянно требовалъ, чтобы Россія дѣйствовала вполне самостоятельно и независимо отъ Австріи и Франціи. „По моему слабому разсужденію“, писалъ онъ 23-го декабря 1756 года, „надобно смирить короля Прусскаго; но досадно то, что мы дѣла свои все подъ опекой отправляемъ“. Разсужденія Бектѣева о политическомъ состояніи Европы иногда бываютъ весьма подробны. Особенно любопытно въ этомъ отношеніи его письмо отъ 26-го мая 1757 года, въ которомъ говорится между прочимъ слѣдующее: „Вѣнскій дворъ думаетъ, что много здѣшній уловилъ... Въ самомъ дѣлѣ Франція великую пользу въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ находитъ. Ея видъ всегда былъ обезсилить Аустрійскій домъ съ здѣшней стороны и приобратить мало по малу Нидерланды; она, можетъ-быть, то получаетъ, а за то даетъ ему Силезію, собственное его имѣніе. Итакъ, Франція всегда съ выигрышемъ остается. Притомъ сама неокотно уже видитъ силы короля Прусскаго, который; будучи протестантской вѣры, зачинаетъ собою въ Германіи властвовать и кредитъ ея раздѣлять, а со временемъ ей столько жъ или еще больше опаснымъ быть можетъ, какъ и Аустрійскій домъ, котораго она по меньшей мѣрѣ Турками воздерживать могла. По всемъ обстоятельствамъ видно, что министерству здѣсь внушаютъ, якобы Франція никакой помощи нѣтъ въ обязательствахъ съ Россіей, а только быть въ доброй дружбѣ¹⁾. Министерство, по слабости своей, однакожь, боится и угождае марккивъ, которая весьма склонна къ Вѣнскому двору, оное имѣніе здѣсь принимаетъ. Сему двору то не только не противно, но вѣроятно старается въ тѣснѣйшій (sic) въ томъ утвердить не для имѣннаго, но для будущаго времени. Сего ради старался графъ Старенбергъ всю негоницію окончатъ до прибытія посланца, безъ содѣйствія и волеи другихъ дворовъ, хотя о ихъ интересахъ тутъ же трактовано; итакъ не оставлено имъ, какъ единое приступленіе и принатіе. Сію политику Россія могла просить Вѣнскому двору и поперечить ему не надобно было. Общее дѣло требовало, какиа бы то ни было обра-

¹⁾ Очевидно тутъ Бектѣевъ жалуется на Австрію, а именно на графа Штаренберга.

зомъ, Францію серіозно ввести въ игру противъ короля Прусскаго, для приведенія сего государя въ настоящія границы, въ чемъ главной видъ Россіи состоитъ. Теперь она уже введена, чтобы при всѣхъ обстоятельствахъ и опытахъ о содержаніи тѣснаго союза и натуральной дружбы съ Вѣнскимъ дворомъ, надлежитъ необходимо дѣйствовать самой у адѣшняго двора. Черезъ то не токмо Вѣнскій дворъ принужденъ будетъ больше искать въ Россіи.... „Всѣ нынѣ воюющія державы противъ короля Прусскаго, по побѣжденіи онаго, обнадежены въ выигрышѣ, а именно: Аустрія беретъ Силезію, Франція спорить не будетъ, получить за то Нидерланды, что они себѣ формально трактатомъ обѣщали. Швеція беретъ назадъ отъ непріятеля также землю, которая ей принадлежала, и на которую она еще претензію имѣетъ, и не токмо оное ей сами обѣщали, но и формально трактатомъ въ томъ обязались. И такъ сіи три пункта между союзниками предварительно рѣшены, и при генеральномъ примиреніи некому въ томъ спорить. Только будетъ затрудненіе одной Россіи въ одержаніи того, что она отъ нынѣшней войны себѣ обѣщаетъ, а именно, сверхъ обезсиленія короля Прусскаго, съ ея стороны приобрѣтеніе себѣ Курляндіи. Правда постановлено о томъ съ Вѣнскимъ дворомъ, но другіе союзники, кои какъ главные державы при замиреніи будутъ, о томъ не знаютъ. Правильно могутъ тогда говорить, что они чужимъ добромъ распоряжать права не имѣютъ и не должны, но паче имѣя съ Польшей обязательства, всячески Россію оттого отвращать станутъ. Можетъ Россія предъявлять, что она Польшѣ уступить за то Пруссію. На то не трудно отвѣтствовать, что Россія на Пруссію и на завоеваніе областей короля Прусскаго права не имѣетъ, потому что она, яко ауксиліарная держава, и по обязательствамъ съ Аустрійскимъ и Саксонскимъ домомъ, войну производила. Всѣ тогда, наскучивъ войною, получая то, что всякій желаетъ, а Вѣнскій дворъ первый, выдадутъ Россію и не похотятъ для нея одной замиреніе остановить; напротивъ того, ежели бы Россія поупрямилась удержать Пруссію, то оставятъ ее одну, а по политическому резону надобно думать, что Швеція, которой не должно совсѣмъ довѣрять, явно противъ того деклароваться можетъ, да и для принужденія къ тому Россіи она въ состояніи противъ ее поднять Поляковъ и Турковъ, внушая имъ только, что Россія безъ всякаго права хочетъ завладѣть у республики Курляндію, собственную ея землю. По слабому моему разсужденію кажется, что Россія, для надежнѣйшаго достиженія своего вида при нынѣшней войнѣ, необ-

ходимо надобно, а именно: *Первое*, чтобы Россія при добрыхъ успѣхахъ оружія сама объявила войну королю Прусскому, къ чему суть законныя причины. *Второе*, снестись съ Франціей и съ Швеціей и формально постановить, что ежели Россія завоюетъ Пруссію, то по замиреніи обязуется ее отдать Польшѣ, съ тѣмъ, чтобы Россіи награждены были употребленные на войну иждивенія и убытки, о чемъ оставляется Россіи трактовать и соглашаться съ республикою. Такимъ образомъ, Россія приобрѣтетъ право на завоеванія. При генеральномъ замиреніи, артикуль объ ней уже рѣшенъ будетъ, и можно ей послѣ съ пристойностію и явно предлагать республикѣ о уступленіи Курляндіи за Пруссію. Можно такую конвенцію сдѣлать сперва съ Вѣнскимъ дворомъ, а потомъ пригласить Францію и Швецію¹⁾.

И 1-го августа Бехтѣевъ равнымъ образомъ писалъ: „Крайне я опасуюсь, чтобы при примиреніи насъ не обманули, и чтобы съ нами пословица не сбылась: *passato il pericolo, gabato il santo*. Всѣ обѣщанія для насъ ничѣмъ не утверждены, а права мы не имѣемъ²⁾“.

Такія соображенія показываютъ въ Бехтѣевѣ самостоятельный умъ и политическія способности. Онъ имѣлъ основаніе не слишкомъ довѣрять Франціи и Австріи. Довольно часто въ послѣдствіи интересы Австріи и Россіи оказывались противорѣчащими другъ другу, а съ другой стороны, Франція еще въ продолженіе 1756 и 1757 годовъ нѣсколько разъ возбуждала негодованіе русскаго кабинета своимъ образомъ дѣйствій въ отношеніи къ Польшѣ и къ Турціи. Такъ, напримѣръ, когда для открытія военныхъ дѣйствій противъ Пруссіи было необходимо „приготовлять Польшу, чтобы она проходу здѣшнихъ войскъ не только не препятствовала, но паче охотно на то смотрѣла“³⁾, оказалось, что французскіе дипломаты старались возбудить Поляковъ противъ Россіи⁴⁾. Равнымъ образомъ и Верженъ, французскій посланникъ въ Константинополь, старался вредить Россіи въ глазахъ Порты и Поляковъ⁵⁾.

Не смотря однако на такого рода затрудненія, сближеніе между Россіей и Франціей состоялось. Въ Петербургъ пріѣхалъ француз-

¹⁾ См. Архивъ князя Воронцова 279—281, 299. «*Passato il pericolo, gabato il santo*» — то-есть, по мнѣваніи опасности святой, которому былъ обѣщанъ даръ, остался обманутымъ.

²⁾ Тамъ же, 379, 383, 446.

³⁾ Тамъ же, 495, 498, 531, 532. *Ranier*, Beiträge. II, 404.

⁴⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 480.

скій посланникъ Лопиталь; въ Парижѣ явился русскій посланникъ Голицынъ; Россія формально приступила къ договору, заключенному между Австріей и Франціей ¹⁾. Что же касалось до расширенія предѣловъ Россіи и соглашенія между державами по этому предмету, то надежды и желанія Бехтѣва остались не исполненными. Австрія желала пріобрѣсти Силезію, Россія — Курляндію, Франція — Нидерланды. Ни одна изъ этихъ цѣлей не была однако достигнута.

Послѣ всего сказаннаго нельзя утверждать, что виновникомъ Семилѣтней войны былъ главнымъ образомъ Фридрихъ II. Еще 7-го іюня онъ писалъ: «Le meilleur de tous les partis sera celui de la paix» ²⁾. Но онъ долженъ былъ думать о охраненіи своего государства и потому долженъ былъ содержать войско въ готовности къ походу. Весьма любопытны въ этомъ отношеніи замѣнанія Бехтѣва, путешествовавшаго чрезъ Пруссію и старавшагося разузнать о положеніи дѣлъ въ этой странѣ. Онъ пишетъ изъ Гаги 25-го іюня: „Въ Пруссіи находится, сколько я свѣдѣть могу, войска около 35.000... Всѣмъ офицерамъ и ундеръ-офицерамъ, которые были командированы для вербованія, велѣно явиться къ своимъ мѣстамъ. Прочихъ пріудготовленій не видно, да и примѣтить нельзя, понеже у Его Величества прусскаго все въ готовности“ ³⁾. Также говорится въ письмѣ изъ Гаги отъ 27-го іюня: „Пріудготовленій чрезвычайныхъ въ Пруссіи не чинится; но понеже болѣе и запасать. Сколько ни есть дворянъ и мѣщанъ, всѣ солдаты и обучены военной экзерциціи, хотя къ несносной тяжести, и крайнему разоренію земли. Всѣ старинныя крейдтѣрскіе замки наполнены хлѣбомъ съ собственныхъ королевскихъ волостей“ и др. ⁴⁾

Изъ сообщеній Вайнгартена и Менцеля Фридрихъ зналъ о готовящемся на него нападении. Изъ другихъ источниковъ также онъ получалъ извѣстія объ угрожающей ему опасности. 30-го іюля Менцель писалъ въ Англію: „Король хочетъ сообщить императрицѣ Маріи-Терезіи доказательства, что она заключила съ Россіей наступательный союзъ противъ него, и что приведеніе въ исполненіе этого плана отложено до будущаго года, потому что Россія еще не готова къ походу“ ⁵⁾. Поэтому онъ рѣшился чрезъ своего посланника Клин-

¹⁾ См. прокъ этого акта въ Архивъ князя Воронцова, IIR 564 и слѣд.

²⁾ Raumer, Beiträge. II, 341.

³⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 150.

⁴⁾ Тамъ же, 152.

⁵⁾ Raumer, Beiträge II. 372.

грефа требовать категорически объясненія относительно образа дѣйствій Австріи.

Откуда Фридрихъ получалъ извѣстія о положеніи дѣлъ у своихъ противниковъ? 19-го іюня онъ между прочимъ получилъ письмо изъ Петербурга отъ одного высокопоставленнаго лица, въ которомъ было сказано, что открытіе военныхъ дѣйствій отложено до будущаго года, и что войска, уже находившіяся въ дорогѣ, получили приказаніе приостановить свое движеніе. Въ другомъ письмѣ, полученномъ королею въ началѣ іюля, было сказано о состоявшемся въ первой половинѣ года соглашеніи между Вѣнскимъ и Петербургскимъ кабинетами атаковать Пруссію, при чемъ Россія обязалась поставить 120.000 человекъ, а Австрія 80.000 человекъ войска. Къ этому было прибавлено, что по недостатку въ рекрутахъ, матросахъ и запасахъ хлѣба война начнется не ранѣе весны будущаго года. Наконецъ, еще было сообщено королю о поѣздѣ Бехтѣева, которому было поручено осмотрѣть берега Помераніи и указать на мѣста, удобныя для десантовъ русскихъ войскъ. Эти письма Фридрихъ получалъ чрезъ посредство англійскаго посланника Митчелля¹⁾.

Послѣ того, какъ Фридрихъ открылъ военные дѣйствія, Бехтѣевъ нашелъ возможнымъ оправдывать поступокъ короля. „Поступокъ нѣтъ король Прусскаго,“ пишетъ Бехтѣевъ 16-го сентября, „поставляютъ за нечаянный и приписуютъ оный страху, въ который Его Величество привелъ Версальскій трактатъ и возстановленіе добраго согласія между Россіей и Франціей. Онъ изъ того заключилъ, что сильнѣйшія въ Европѣ три державы, соединясь и принявъ общія мѣры, конечно его атакутъ. И понеже трудно бы было ему вдругъ отъ всѣхъ обороняться, то не давая имъ времени согласиться, принялъ онъ намѣреніе начать самъ войну, которая по его чашнѣ была бы неминуема, но крайне опасно, еслибы онъ ее отложилъ; а атакувавъ всюю силой императрицу-королеву, думаетъ ея силы разорить, пока она можетъ получить помощь отъ Россіи и отъ Франціи: потомъ обратиться противъ той изъ сихъ державъ, которая прежде на него вооружится, и надѣется по одной во всѣмъ тремя управиться“²⁾. Такимъ образомъ, и по мнѣнію Бехтѣева выходитъ, что нападая, Фридрихъ защищался. Принципомъ его образа дѣйствій была оборона.

¹⁾ См. *Schäfer* I. 188: «Wir können nicht zweifeln, dass der Briefsteller kein anderer war als der Grossfürst Peter».

²⁾ Архивъ князя Воронцова, III, 197.

Когда Фридрихъ впервые занялъ Силезію, Россія сочувствовала ему. Остерманнъ отъ имени малолѣтняго царя Іоанна увѣрялъ его въ дружбѣ Россіи. Мѣншихъ даже приглашали его не довольствоваться завоеваніемъ Силезіи, а идти прямо противъ Вѣны. Съ тѣхъ поръ обстоятельства значительно измѣнились. Въ концѣ 1760 года прусскій посланникъ оставилъ Петербургъ, а русскій выѣхалъ изъ Берлина. Отношенія между обѣими державами становились болѣе и болѣе враждебными. Фридриха въ Петербургѣ называли интригантомъ, безпощаднымъ нарушителемъ европейскаго мира, утверждали, что „никто не можетъ сомнѣваться въ непріятельскихъ умыслахъ“ короля Прусскаго противъ Россіи, и что онъ легко можетъ „сдѣлаться на сухопутномъ пути ужасомъ Европы“. По мнѣнію Петербургскаго кабинета, только путемъ „сокращенія силъ Прусскаго короля“ и „приведенія его въ прежнее состояніе“ можно было лишить его значенія „арбитра“. Европы и возможности „ложити славу Россіи“. Этими самими Россія надѣялась обратить „вниманію предпочтительно всѣмъ другимъ“ на себя, имѣть „инфлянцію и знатность“ въ европейскихъ дѣлахъ и „не допустить короля Прусскаго до приобрѣтенія новой знатности“. За то Россія мечтала о присоединеніи въ своимъ предѣламъ Курляндіи, объ „окруженіи своихъ границъ съ вольской стороны“, о соединеніи „коммерціи Балтійскаго съ Чернымъ моремъ“, о томъ, чтобы „всю Левантскую коммерцію въ здѣшнихъ рукахъ имѣть“¹⁾.

Чѣмъ болѣе въ Петербургѣ надѣялись на большія выгоды чрезъ нападеніе на Фридриха, тѣмъ болѣе энергическій и быстрый образъ дѣйствій Прусскаго короля осенью 1756 года вызвалъ негодованіе русскаго правительства. Уже запросъ Клинггрефа называется въ резолюціи конференціи Елизаветы „непрістойнымъ поступкомъ“. Сильно корчили короля за „употребленіемъ въ меморіалѣ письменно совсѣмъ необыкновенными между независимыми государями угрозы“. Когда же Фридрихъ произвелъ нападеніе на Саксонію, то конференція замѣтила: „Болѣе того смѣстичилъ Самъ Богъ, какъ Фараону, сердце короля Прусскаго, дабы коль дерзость и высокоуміе его велики, толь наказаніе его праведно было“. Въ Россіи осуждали Фридриха за то, что онъ „миралюбивѣншіи наши склонности приписывалъ недостатку у насъ въ матросахъ и рекрутахъ, и прилагалъ озлобленіе ко озлобленію, отнял у короля Польскаго наслѣдныя его земли“²⁾. Что же касается до „миралюбивѣльныхъ склонностей“

¹⁾ Тамъ же, 347, 348, 358, 376, 378, 380.

²⁾ Тамъ же, 445, 538, 549.

Австріи и Россіи, то имъ противорѣчить цѣлый рядъ распоряженій въ отношеніи къ войску, которое уже весной 1756 года старались приготовить къ походу. Уже въ апрѣлѣ обѣ державы опредѣлили количество войскъ, назначенныхъ для атакованія Фридриха. Около Риги должны были находиться для этой цѣли 73.000 человѣкъ солдатъ. Сюда же относится „секретнѣйшее“ распоряженіе въ правительствующей сенатѣ (въ началѣ апрѣла), въ которомъ было сказано, что слѣдуетъ принять всевозможныя мѣры для умноженія числа прусскихъ дезертеровъ, „дабы тѣмъ не только прусскую армию въ ослабленіе приводить, но и чтобы получая прусскихъ дезертеровъ; наполнять ими внутренніе полки, изъ которыхъ паки другіе на границахъ стоящіе наполняться могли бѣ“¹⁾.

Впрочемъ не только быстрота движеній Фридриха спасла Пруссію, но особенно то обстоятельство, что въ враждебномъ ему лагерѣ не было единства политической и военной мысли. Вопервыкъ, Австрія и Россія не были согласны въ отношеніи къ сроку открытія военныхъ дѣйствій противъ Пруссіи; во вторыя же, въ Петербургѣ существовали двѣ партіи, противоположныя другъ другу именно въ отношеніи къ Фридриху.

Уже 19-го февраля 1756 Уильямсъ писалъ изъ Петербурга, что императрица Елизавета, вѣроятно, не проживетъ и шести мѣсяцевъ, а Екатерина затѣмъ будетъ дѣйствовать въ пользу договора между Англійей и Россіей²⁾. Да и при жизни Елизаветы великая княгиня уже старалась дѣйствовать въ пользу Англии и по возможности препятствовать сближенію между Россіей и Франціей³⁾. Бѣстужевъ получалъ значительныя суммы денегъ не только отъ Англии, но и отъ Пруссіи. Въ связи съ Бѣстужевымъ и великою княгиней находился посланникъ Польской республики Станиславъ Понятовскій, а также фельдмаршалъ графъ Апраксинъ. Образъ дѣйствій послѣдняго во время войны показывалъ, что онъ принималъ въ соображеніе желанія будущаго правительства, и потому былъ готовъ противоdѣйствовать распоряженіямъ императрицы Елизаветы. О Понятовскомъ же знали, что онъ, равно какъ и многіе другіе Польки, былъ противъ сближенія между Франціей и Россіей. Переговоры Шуваловыхъ, стоявшихъ за Францію, съ Екатериною, дѣйствовающею въ пользу Англии, не

¹⁾ См. въ Архивѣ кн. Воронцова распоряженія о войскѣ 397—415.

²⁾ Raumer, Beiträge. II. 313.

³⁾ Тамъ же, II, 318, 347.

могли имѣть результата. Такимъ образомъ, при русскомъ дворѣ остался въ силѣ дуализмъ, нѣсколько парализовавшій дѣйствія Россіи во внѣшней политикѣ. Черезъ то Россія теряла, а Фридрихъ выигрывалъ. Предположенія приступить къ раздѣлу Пруссіи оказались несбыточными. Оборона же Фридриха Великаго противъ главныхъ континентальныхъ державъ была на столько успѣшна, что обезпечила дальнѣйшее существованіе Пруссаго королевства, какъ первокласснаго государства.

А. Брикнеръ.

